

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АЙНОВ

Зарубежные источники

В древности Япония, так же как и сопредельные территории, имела сложную этническую историю. Археологический материал и письменные источники свидетельствуют о том, что там обитали различные племена, в том числе айноидные. Информация об этих племенах впервые была отражена на страницах древнекитайских сочинений «Шань хай цзин (山海经)» («Книга гор и морей») (конец III — начало II в. до н.э.) и «Сун шу (宋書)» («История [династии] Сун») (южное царство Сун, 420—479 г. н.э.). Предки айнов в них упоминаются под названием *маоминь* (毛民) («волосатый народ»), а также *маожень* (毛人) («волосатые люди») (рис. 1) [Каталог гор и морей 1977: 123; Сунь Цзинь-цзы 2001: 53; Kojima 2009: 24].

Наиболее полное описание населения древней Японии (II—III вв. н.э.) содержится в «Вэй чжи (魏志)» («История государства Вэй») (около 297 г.), в разделе, посвященном «Стране Во» (Wa).

В Вэйчжи сообщается: «Японцы находятся на юго-восток от [области] Дайфан, среди Большого моря, по гористым островам, образуют уделы. Ныне 30 владений имеют сообщения через послов-переводчиков. Из областей [Китая] достигают Японии вдоль морского побережья. Плывая водой, проходя через Ханьго [Южную Корею] то на юг, то на восток, достигают на северном побережье [Японии владений] Гоусйе, Ханьго, через 7000 с лишком ли» [Кюнер 1961: 171].

Далее в источнике перечисляются большие и малые владения, которыми правила женщина (Нюй-ван), страна, находящаяся к югу, Гоуну(го), где все мужчины покрывали лица и тела татуировками, страна к востоку. «Еще имеется страна карликов, помещающаяся на юг от них. Люди ростом в 3—4 фута. Отстоит эта страна от [страны] государя-женщины в 4000 с лишком ли. Еще имеются страны нагих, чернозубых, в свою очередь лежащие на юго-восток от них. Если

Рис. 1. *Маоминь* (волосатый народ). «Шань хай цзин гуан чжу» (1667).
Источник: [Kojima 2009: 25]

ехать на судне, то можно прибыть в один год, посетить и расспросить» [Там же: 174].

Из «Вэй чжи» трудно понять, какие именно племена имели отношение к протоайнам и где они обитали, вполне очевидно лишь то, что различные владения существовали порознь. Интересно упоминание о могущественной царице Пимико (Бимиху), управлявшей областью Яматай (предположительно в 173–248 гг.). Она обладала таким влиянием, что несколько раз отправляла в Китай послов с данью.

По всей видимости, время правления Пимико сопоставимо с эпохой Дзимму (согласно японским мифам, годы жизни: 711–585 гг. до н.э.) — основателя первого межплеменного союза, а также с эпохой Судзина (по разным мнениям, рубеж III–IV вв. н.э.)¹ [Косарев. URL: <http://kosarev.press.md/Japan>]. С легендарным Дзим-

¹ Многие ученые считают, что реально существовавшим историческим лицом и первым правителем являлся не Дзимму, а Судзин.

му связан так называемый «Восточный поход» обитателей Кюсю в Центральную Японию на Хонсю².

В походе на Хонсю Дзимму пришлось столкнуться с различными племенами, в том числе *цутикумо* (土蜘蛛) — «земляными пауками». Информация об этом нашла отражение в ранних японских письменных источниках VIII в. «Кодзики (古事記)» («Записи о делах древности») (712) и «Нихон сёки (日本書紀)» («Анналы Японии») (720).

В одном из свитков Анналов говорится: «...государево войско (после прибытия в бухту Сираката) построилось и пешим ходом направилось в Татута. Однако дорога была крутой и обрывистой, и строем идти было невозможно. Тогда они вернулись и стали совершать переход через гору Икома, желая попасть во внутреннюю часть страны. Узнал об этом Нагасунэ-бико и говорит: “Ох, не иначе как сын Небесных богов и его спутники намерены отнять у меня страну”, и тоже кликнул всех своих воинов, устроил засаду на склоне Кусавэ-но сака и затеял сражение. Стрела, боль несущая, угодила в руку Итусэно микото, воинство государя никак не могло продвигаться вперед [Нихон сёки 1997, т. 1: 179].

В данном фрагменте слово *цутикумо* не указывается, однако известно, что Нагасунэ-бико означало «Юноша — длинные ноги» и являлось косвенным указанием на обитателей землянок — «земляных пауков» [Там же: 430]. Имеется еще пассаж, в котором речь идет о Мити-но оми-но микото, собравшем по приказу Дзимму в местечке Осака своих воинов и спевшем песню: «Хоть говорят люди, что один [воин] эмиси равен ста, но они [сдались] без сопротивления!»³ [Там же: 187].

Собственно *эмиси* (*эбису*) (蝦夷) появляются дальше в разделе, повествующем о периоде правления императора Кэйко (70–130), где прямо сказано, что император отправлял на борьбу с дикарями

² Миф о «Восточном походе», по всей видимости, не имеет отношения к какому-то конкретному периоду времени, но отражает «вектор движения, надо полагать, весьма протяженного во времени» [Косарев. URL: <http://kosarev.press.md/Japan>].

³ Предполагается, что название *цутикумо* могло возникнуть вследствие сильной обволосенности представителей данной группы населения, а также по причине использования ими подземных жилищ. Не исключено, что *цутикумо* являлись отличной от *эмиси* локальной общностью, поэтому и получили другое название [Древние фудоки 1969: 47; Спееваковский 1988: 8].

в северо-восточные области Хонсю старшего сына Ямато Такэру-но Микото. Несмотря на то что история, показанная в летописях, — всего лишь миф, описание облика *эмиси*, о котором речь пойдет ниже, свидетельствует о некотором сходстве с айнами [Кодзики 1994: 72; Нихон сёки 1997, т. 1: 243, 246].

Следует подчеркнуть, что наименование *эмиси*, в отличие, например, от *айну*, не является этническим. Древние японцы использовали его для обозначения населения северных окраин государства, не подчинявшегося центральному правлению. Трудно сейчас сказать, в какой степени это население обладало реальными чертами айнских предков.

Вслед за «Кодзики» и «Нихон сёки» информация об *эмиси* попала в китайский источник «Тун дянь (通典)» («Всеобщий свод») (766–801) ученого-историка Ду Ю (735–812), а затем в «Синь Тан шу (新唐書)» («Новая история [династии] Тан») (1060).

Интересно, что в историко-географических описаниях древней Японии, известных под общим названием «Фудоки (風土記)» («Описание обычаев земель») (VIII в.), инородцы часто упоминаются под названием *цутикумо* («земляные пауки»), о которых речь шла выше. Согласно хроникам, *цутикумо* проживали не только в северо-восточных, но и в южных районах Японии, чересполосно с *кумасо* и *хаято* [Древние фудоки 1969: 140]. Кроме этого, на п-ове Кии «земляные пауки» соседствовали с *ама*, *кудзу* и неизвестными *обито*.

Уже к VIII–IX вв. *кумасо* были частично истреблены, частично ассимилированы японцами и перестали существовать как отдельная общность [Таксами, Косарев 1990: 11]. Та же участь постигла и остальных инородцев. Что касается *эмиси*, то объектом пристального внимания они стали со второй половины VIII в., когда началось активное освоение северо-восточных земель Хонсю. Постепенно японцам удалось отбить у туземцев значительные территории и закрепиться на них.

С IX в. население завоеванных земель японцы стали чаще называть не *эмиси*, а *фусю*: 俘囚, что дословно означало «пленник», но имело смысл «ояпонившиеся туземцы», а также словом *ифу* 夷俘. Эти перемены отражали изменения в общественном сознании японцев по поводу негативной оценки «варваров» [Лим 2010: 140; Kikuchi 1999: 36].

Примечательно, что в японских письменных источниках VIII в. встречаются первые упоминания о предметах каменного

века. Так, в описании провинции Хитати содержатся сведения о раковинных кучах, а в «*続日本紀* (Сёки нихонги)» («Продолжение анналов Японии») (797) — о каменных наконечниках стрел и копий [Воробьев 1958: 12]. В частности, в летописи Хитати говорится: «В 12 сато западнее почтового двора Хирацу есть холм, называемый О:куси. В древности [здесь] жил человек огромного роста, тело его находилось на холме, а руки выкапывали из прибрежного песка большие ракушки хамагури. Съеденные им ракушки, накапливаясь, образовывали холмы. Люди того времени называли это место “О:кудзири”, и теперь это место называют холм О:куси» [Древние фудоки 1969: 53].

Подобные описания, конечно же, не носят научного характера. Они лишь показывают интерес древних японцев к необычным вещам и явлениям.

К XI в. относится появление такого важного источника по изучению туземцев северной Японии, как изобразительный материал. Речь идет о серии иллюстраций о жизни принца Сётоку (574–622), так называемом «Сётоку-тайси э-дэн (聖徳太子絵伝)» («Повествования в картинках о жизни и деятельности принца Сётоку») [Sasaki 1993: 217].

«Сётоку-тайси э-дэн» стали создаваться в связи с формированием культа Сётоку — известного реформатора Японии. В основу некоторых из них легли легенды о покорении племен *эмиси*.

Самым ранним из известных образцов «Сётоку-тайси э-дэн» является работа кисти художника Хата Титэй, датирующаяся 1069 г. Изначально эта картина была написана в жанре *ямато-э* на раздвижных перегородках *сё:дзи* в храме Хорю-дзи в Нара⁴. В 1788 г. ее перенесли на ширму, а в 1878 г. преподнесли от храма Хорю-дзи императорской фамилии. В настоящее время столь ценный экспонат хранится в Токийском государственном музее [Ibid.].

На картине изображены трое мужчин с выпученными глазами и оскаленными ртами. По всей видимости, художник никогда не видел настоящих *эмиси* и нарисовал их так, как они представлялись японцам в то время.

XI в. ознаменовался двумя войнами — девятилетней (1051–1062) и трехлетней (1083–1087). Эти войны были описаны японцами в ис-

⁴ Жанр *ямато-э* сложился в X–XII вв. Картины писались тушью и цветными красками по бумаге или шелку.

точниках «Муцу ваки (陸奥話記)» («Повествование о событиях в Муцу») (конец XI—XII в.) и «О:сю:госаннэнки» (奥州後三年記) («Хроника второй трехлетней войны в области О:сю:») (середина XIV в.)⁵. В данных произведениях показано упорное противостояние эмиси и японцев, причем первые предстают храбрыми и умелыми воинами, способными сражаться и в пешем строю, и верхом на лошадях.

Информация о том, что у эмиси северных районов Японии были лошади, фиксируется еще в анонимном документе X в. «Руйдзю сандайкяку (類聚三代格)» («Классифицированное собрание уголовных положений трех правлений»), где описаны правления Конин (810—824), Дзёкан (859—877) и Энги (901—923), и в историческом сочинении «Фузо: рьякки (扶桑略記)» («Сокращенные записи страны Фузо: (Японии)», которое составил монах буддийской школы Тэндай Коэн в XII в. Согласно «Руйдзю сандайкяку», например, чиновникам в Тохоку запрещалось заниматься личной торговлей лошадьми эмиси [Мацумото 2006: 18, 25].

С конца XII в. центр деятельности эмиси переместился на Эдзо (Хоккайдо). Приблизительно в это время (в XI—XII вв.) жителей острова, а также северных областей Тохоку японцы стали именовать *эдзо* (蝦夷 (иероглифы те же, что и в написании эмиси)) [Мацумото 2006: 5]. До сих пор неизвестно, является ли это слово собственно японским.

В свое время Киндайти Кёсукэ высказал мнение, что название *эдзо* (а также эмиси) изначально могло являться искаженным айнским словом *эндзю*, что означало «человек»⁶ [Kojima 2009: 50; Хако-мори. URL: <http://www.emishi-ezo.net>]. Видимо, появление в японском языке слова *эдзо* было неслучайно — оно указывает на определенный этап в становлении айнского этноса и айнского самосознания.

⁵ В «О:сю:госаннэнки», записях, составленных в 1347 г., довольно подробно рассматривается ход Трехлетней войны (1083—1087). В настоящее время среди японских исследователей распространено мнение, что эти записи воспроизводят более древние документы, составленные предположительно в XII в.

⁶ До недавнего времени *эндзю* (*энтю* или *энтю*) было одним из само-названий сахалинских айнов, к тому же это наименование сохранялось в хоккайдском диалекте, но только в молитвах и народных преданиях [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 2].

В одном из источников XIV в. — «Сува даймё:дзин э-котоба (諏訪大明神画詞)» («Иллюстрированное повествование о великом божестве Сува») — коллективном труде, составленном в 1356 г. при участии Сува Энтю и Фудзивара Такамори, указывается, что население Эдзо не было однородным. Здесь проживали *хиномото*, *карако* и *ватарито*. Из описания можно понять, что некоторые из них имели облик айнов⁷.

Источник «Сува даймё:дзин э-котоба» интересен тем, что в нем помещались иллюстрации, выполненные Фудзивара Такамори и некоторыми другими художниками. К сожалению, оригинальный свиток с иллюстрациями был утерян [Sasaki 1993: 219].

К XIII–XIV вв. айны активизировали свою деятельность на Сахалине, оказавшись в поле зрения китайских летописцев⁸. Важные сведения о сахалинских айнах содержатся в хрониках династии Юань (1271–1368) «Юань ши (元史)» («История [династии] Юань»). В данном источнике, однако, как и в японских памятниках того же времени, нет слова *айну*. Население Сахалина с айнскими обычаями обозначается этническим названием — *ку-и* (骨鬼)⁹ [Левин, Дубровина 1969: л. 1; История династии 2003. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/>].

Согласно «Юань-ши», нивхи (*цзилими*) обратились к юаньской администрации с просьбой оказать помощь в войне с айнами, которые часто нападали на них, и в 1264 г. войска Юань организовали против айнов военный поход.

Информация об айнах встречается и в ряде других китайских сочинений историко-географического характера — «Кайюань синь

⁷ Известно, например, что область расселения *ватарито* включала южную часть острова. В отличие от других туземцев, представители этой общности считались более цивилизованными и были знакомы с японскими обычаями.

⁸ По всей видимости, появление айнов на Сахалине не было следствием простой миграции с Хоккайдо, поскольку предки айнов жили на острове в глубокой древности и в течение длительного времени развивались преимущественно на собственной основе [Косарев. URL: <http://kosarev.press.md/Ainu>]. В то же время хоккайдцы неоднократно проникали на Сахалин, и они, несомненно, внесли значительный вклад в становление самобытной айнской культуры.

⁹ Китайцы называли айнов также *ку-у*, *ку-ву*, *ку-э*, *гу-вэй*, *ку-вэй*, а их непосредственные соседи нивхи и ороки — *куги*. По мнению Л. Шренка, китайцы заимствовали название *ку-и* у нивхов [Шренк 1883: 133].

чжи (開原新志)» («Новые записи области Кайюаня») эпохи Юань (1271–1368) и «Ляодун чжи (遼東志)» («Описании Ляодуна») периода династии Мин (1368–1644). Здесь айны фигурируют под названием ку-у (苦兀). В хрониках упоминаются охотничьи орудия ку-у, их оружие, одежда и некоторые обычаи, связанные с погребальным культом [История династии 2003. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/>; Сунь Цзинь-цзы 2001: 59].

Касательно туземцев Японских островов, в XIV в. было создано несколько произведений из серии «Сётоку-тайси э-дэн». Это картины из храма Корю-дзи в Киото (1305), храма Дзёгу-дзи в Ибараки (около 1320 г.), храма Ситэнно-дзи в Осака (1323), храма Хонсё-дзи в Андзё: (приблизительно XIV в.), а также рисунок из частной коллекции (1324) (рис. 2, 3). Рисунок интересен тем, что здесь показана своеобразная одежда *эдзо*, подобная айнской. В целом же ранние изображения «Сётоку-тайси э-дэн» передают лишь общее впечатление об *эмиси* (*эдзо*), в некоторых случаях напоминающих китайцев [Kojima 2009: 101; Sasaki Toshikazu 2001: 68].

Один из источников первой половины XVI в. — «Сэйсуйдзи-энги (聖水寺縁起)» («История храма Сэйсуй-дзи») (1517) — содержит рисунки Тоса Мицунобу, где запечатлен сюжет покорения *эмиси* полководцем Саканоуэ Тамурамаро (758–811). Туземцы изображены в облике страшных сказочных существ, образы которых были почерпнуты из буддийских сказаний. Вероятно, художник никогда не видел настоящих *эдзо* и выразил только негативное отношение к ним. Впрочем, с течением времени информации об *эдзо* накапливалось все больше, и изображения начали приобретать более реалистичный характер. Одно из них можно найти в энциклопедическом словаре Тэрадзима Рёан «Вакан сансай дзюэ (和漢三才図会)» («Японо-китайский иллюстрированный сборник трех миров») (1713) в разделе об инородцах (рис. 4) [Sasaki 1993: 219].

На Западе достоверная информация об айнах *Эдзо* стала появляться во второй половине XVI — начале XVII в. со слов европейских миссионеров — португальцев Луиса Фройса (1532–1597), Игнасио Морэйра (1538–1600), а также итальянца Джироламо де Анджелиса (1568–1623). Они сделали интересные наблюдения.

Луис Фройс в своих отчетах “*Epistolae Japonicae*” (1565) описал внешность айнов, их одежду из шкур животных, отдельные обычаи. В частности, он отметил обычай использовать при питье сакэ палочки *икуниси*. Игнасио Морэйра в сочинении “*Iezoguminsula*” (1591),

Рис. 2. Эмиси. «Сётоку-тайси э-дэн» из храма Корю-дзи (Киото) (1305).
Источник: [Sasaki 1993: 218]

Рис. 3. Эмиси. «Сётоку-тайси э-дэн» (1324).
Источник: частная коллекция

Рис. 4. Эдзо. «Вақан сансай дзуэ», Тэрадзима Рёан (1713).

Источник: [Kojima 2009: 145]

указывая на северные земли Японии, зафиксировал их айновское название “ainomohori”. Кроме этого, Джироламо де Анджелис в записях “Relatione del Regno di Iezo” (1618–1621) отметил торговую деятельность айнов с японцами, описал различные предметы их материальной культуры — доспехи, оружие, одежду, в том числе орнаменты. Это первые сведения, освещающие айновское изобразительное искусство [Анучин 1876: 80; Sasaki 1993: 219; Sasaki Toshikazu 2001: 97].

Следует отметить, что наряду с миссионерами немногочисленные сведения об айнах в первой половине XVII в. были получены посланником английской торговой компании Джоном Сарисом (1580–1643), посетившим Японию в 1613 г., и начальником голландской торговли в Японии Франсуа Кароном (1600–1673), прожившим в Японии более 20 лет (с 1619 по 1641 г.). Сведения эти во многом неточны, так как основывались не на личных наблюдениях, а на рассказах японских путешественников. Д. Сарис, в частности, сравнивая туземцев южной и северной частей Эдзо, отметил, что первые были одинакового роста с японцами, а вторые — «очень малы, точно карлики» [Шренк 1883: 127, 268].

С изгнанием христианских миссионеров из Японии право посещения страны было оставлено только за голландцами. В 1643 г. для исследования Северной Японии они снарядили экспедицию в составе двух кораблей под командованием М. Г. Фриса и Г. К. Схепа. Оба корабля («Кастрикум» и «Брескенс») в самом начале экспедиции разошлись из-за шторма, поэтому проводили свои изыскания независимо один от другого. «Брескенс» пересек пролив, отделявший Хонсю от Хоккайдо, прошел вдоль юго-восточного берега Хоккайдо, а затем, держась восточного и северо-восточного направления, достиг Курильского о-ва Симушир. «Кастрикум» прошел до юго-восточной оконечности Хоккайдо, затем исследовал северо-восточную часть острова, достиг островов Уруп, Итуруп, Кунашир, а также Сахалина. На Сахалине экспедиция М. Г. Фриса посетила районы Анива и Терпения.

Некоторые сведения, полученные в ходе экспедиции, были собраны в отдельной книге “*Koorte beschryvinghe van het Eylandt by de Japanders Eso genaemt, nevens de manieren, zeden, ommegangh, ende gestalte des selfs Inwoonderen; soo als het eerst in den Jare 1643 van't Schip Castricum bezeylt ende ondervonden is*” (1646), опубликованной в Амстердаме без имени автора. Часть материалов нашла отражение в работе голландского географа Н. К. Витсена “*Noord en Oost Tartarey*” (1692). Наиболее важные данные — записи штурмана Корнелиса Куна, которые под названием “*Reise van Maarten Gerritz Vries in 1643 naar her noorden en oosten van Japan volgens het Journal gehouden door C. J. Coen op het Schip Castricum*” издал голландский ученый П. А. Леопе (1858). В записях содержится информация об айнах Сахалина и Южных Курил: одежде, оружии, утвари, предметах культа, жилищах, редких захоронениях. Описываются внешний облик туземцев и татуировки [Анучин 1876: 83, 84; Плавание 1990. URL: <http://www.vostlit.info>; Тьерд де Граф 1992: 97].

После голландской экспедиции изучение айнов западноевропейцами прекратилось на длительное время.

Отдельные сообщения о жизни и быте айнов можно обнаружить в японских произведениях XVII в. В то время правительство страны начало предпринимать попытки политической инкорпорации Эдзо в систему японской феодальной империи.

К числу наиболее ранних документов относятся «Синра-но кироку (新羅之記録)» («Записи Синра») (1646), «Эдзосимаки (蝦夷島記)» («Заметки об Эдзо») (1681?) и «Кайфу:мару кидзи (快風丸記事)»

(«Записи с корабля Кайфу:мару» — рассказы представителей клана Мито) (1689). Данные источники содержат информацию об айнах Хоккайдо южной части (Мацумаэ), западной (Исикари), а также отдаленных глубинных районов острова (*о:куэдзо*). В частности, здесь упоминаются события из истории крупного айнского восстания середины XV в. под предводительством Косямаина. Ко второй половине XVII в. относятся также источники «Митинокуни цугаругун-но эдзу (陸奥国津軽郡之絵図)» («Иллюстрированное описание уезда Цугару области Митинокуни») и «Дзассё (雜書)» («Записи о разном (клана Намбу)»), в которых речь идет об айнах Хонсю на территории п-ва Цугару и п-ва Симокита [Sasaki 1995: 30; Sasaki Toshikazu 2001: 67].

Значительно больший интерес к айнам японцы стали проявлять лишь с XVIII в. Он отразился в отчетах государственных инспекторов и служащих, посещавших земли Эдзо, в летописях местных феодальных кланов, путевых записках и дневниках. Среди наиболее значительных работ можно отметить отчет служащего бакуфу Мацумия Кандзан «Эдзоданхикки (蝦夷談筆記)» («Рассказы и заметки об эдзо») (1710) и труд Араи Хакусэки «Эдзоси (蝦夷志)» («Описание Эдзо») (1720)¹⁰.

Мацумия Кандзан посещал Мацумаэ, сопровождая чиновника, инспектировавшего японские владения в северных землях. Информацию об айнах он получил от переводчика с айнского языка. Переводчик, в частности, поведал историю о восстании Сякусяина, произошедшем в 1669 г.

Араи Хакусэки, в отличие от Мацумия, никогда не был на Эдзо. Сведения о местных жителях он собрал из имеющихся в то время источников, а также от тех людей, которым случалось общаться с туземцами.

Так или иначе в «Эдзоданхикки» и «Эдзоси» были описаны географические особенности острова, верования и обычаи айнов

¹⁰ Араи Хакусэки (1657–1725) — главный советник при шестом сёгуне Токугава Иэнобу (1662–1712; сёгун — в 1709–1712 гг.), представитель конфуцианской школы, автор многочисленных трудов по истории Японии. Работа «Эдзоси», составленная в 1720 г., в настоящее время считается важнейшим источником по изучению айнской культуры эпохи Кинсэй (XVII–XIX вв.). Систематизировав и упорядочив знания об эдзо с позиций научной мысли того времени, Араи Хакусэки дал целостное представление о них и тем самым оказал значительное влияние на многих японских исследователей [Kikuchi 1999: 199].

Рис. 5. Женский и мужской портреты айнов Хоккайдо.
«Эдзоси», Араи Хакусэки (1720).

Источник: [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

и приведены другие данные, малоизвестные до этого. Более того, в «Эдзоси» некоторые аспекты материальной культуры представлены иллюстративными материалами. Среди иллюстраций есть портретные изображения (рис. 5).

Японские ученые считают, что работа «Эдзоси» стала отправной точкой в развитии такого жанра японской живописи, как *айну-э* или *айнуфудзоку-э*.

Надо сказать, что словом *айну-э* обозначаются рисунки японских художников, на которых запечатлены бытовые сценки из жизни айнов либо их портреты. Хотя, как отмечалось выше, жители северных областей Японии в японском изобразительном искусстве стали появляться уже с XI в., в узком смысле термин *айну-э* принято использовать именно в отношении картин, создававшихся после «Эдзоси» (1720) и до середины XIX в. [Sasaki 1993: 217].

Первым автором собственно картин *айну-э* считается Кодама Тэйрё, родившийся в конце XVII в. в Мацумаэ (Хоккайдо). Показательными работами Кодама Тэйрё являются «Мацумаэ Эсаси-дзу бё:бу (松前江差図屏風)» («Ширмы с видом Мацумаэ и Эсаси») и «Эдзо

Рис. 6. Предметы материальной культуры айнов Хоккайдо. «Эдзо кокуфу: дзуэ», Кодама Тэйрё (середина XVIII в.). Собрание Кодама Сакудзаэмон. Источник: [Baba, Kodama 2000: 56]

кокуфу: дзуэ (蝦夷国風図絵)» («Иллюстрации обычаев эдзо»). На них запечатлены торговая деятельность в Эсаси, охота айнов, айнские праздники, различного рода предметы материальной культуры (рис. 6). Изображения сделаны вполне реалистично [Ibid.: 226].

Возвращаясь к Араи Хакусэки, важно отметить, что он одним из первых обратил внимание на раковинные кучи, а также на древние каменные орудия и керамику. Остатки былых культур фиксировались и до него. К 1623 г., в частности, относится упоминание о керамике, выкопанной в Камэгаока. Однако Араи Хакусэки попытался не просто описать находки, но и осмыслить их. Он, например, выдвинул гипотезу, согласно которой древние артефакты принадлежали обитателям Маньчжурии *сушеням* (*сюкусин*) и *сушени* могли являться предками айнов [Воробьев 1958: 12].

В дальнейшем интерес к древностям у японцев проявлялся все больше и больше. Киути Сэкитэй, глава Школы любителей камней, возникшей в середине XVII в., составил несколько томов «Унконси (雲根志)» («Записки о камне») (1772–1801), где описал каменные наконечники стрел, жезлы, молоты, магатама и прочий инвентарь каменного века.

Наряду с попытками исследовать остатки древних культур, в первой половине XVIII в. усилилось внимание к айнам. Уже тогда появился анонимный труд, посвященный айнам Курил, — «Эторофуто: хё:рю:ки (エトロフ島漂流記)» («Записки об Итурупе») (1712). Впрочем, большая часть работ касалась все же обитателей Эдзо.

В 1739 г. горный инженер Сакакура Гэндзио, исследовавший на Эдзо рудники, создал рукопись «Хоккайдзуйхицу (北海隨筆)»

(«Повествование о северных землях»), известную также под названием «Эдзо Мацумаэ карасу (蝦夷松前烏)» («Мацумайский ворон»). Труд состоял из пяти разделов, каждый из которых включал несколько рассказов. Речь в разделах шла об айнских обычаях, ремесленной продукции, лекарствах, ядах. В конце рукописи помещался небольшой словарь. В этом источнике впервые в японской историографии появилось слово *айну* [Петрова, Горегляд 1963: 154; Щепкин 2011: 150; Kikuchi 1999: 199]. Несколько позднее видным японским мыслителем конца XVIII в. Хаяси Сихэй был написан труд «Сангоку цу:ран дзусэцу (三国通覽図説)» (1785) («Иллюстрированный всеобщий обзор трех стран»).

Частично трактат «Сангоку цу:ран дзусэцу» автор посвятил айнам, а частично — описанию Кореи, островов Рюкю и Огасавара¹¹. В разделе об айнах Хаяси Сихэй дает географический обзор их владений, включая Хоккайдо, Сахалин, Курильские острова и Камчатку, а также приводит важные сведения об обычаях, медицине, питании, предметах материальной культуры. Работа была снабжена многочисленными иллюстрациями и картами [Щепкин 2011: 31, 34].

В 1785 г. правительство сёгуната, заинтересованное в получении достоверной информации об Эдзо (Хоккайдо), Тисима (Курилах) и Карафуто (Сахалине), организовало первую государственную экспедицию, одному из участников которой — географу Могами Токунай (1755–1836) — удалось проникнуть на о-ва южной гряды Курил — Уруп и Итуруп. Результаты экспедиции были изложены в работах «Эдзосо:си (蝦夷草紙)» («Записки об Эдзо») (1790) и «Ватарисима хикки (渡島筆記)» («Записки о землях Ватарисима») (1808). В 1807 г. бакуфу повторно отправило экспедицию на Сахалин с участием младшего чиновника по делам северных территорий Мамия Риндзо (1780–1844) и картографа Мацуда Дэндзиро (1769–1843). Путешественники смогли собрать подробные сведения не только об айнах, но и о нивхах, проживавших на западном и восточном побережье Сахалина.

Мамия Риндзо побывал на острове еще раз в 1808–1809 гг. На этот раз ему удалось добраться до Дерена — китайского административного поста, расположенного в Низовьях Амура. Сведения, почерпнутые им на Амуре, легли в основу работы «То:дацу кико: (東韃紀行)» («Поездка в Восточную Татарию»), а на Сахалине —

¹¹ Значительная часть трактата была переведена на русский язык научным сотрудником ИВР РАН В. В. Щепкиным.

иллюстрированного труда «Хокуибункайёва (北夷分界余話)» («Повесть о северных границах»). Они были составлены со слов Мамия Риндзо одним из служащих бакуфу Мураками Тэсукэ и изданы лишь в середине XIX в. после смерти путешественника¹².

Существует версия «Хокуибункайёва», аналогичная по содержанию и известная под названием «Китаэдзо дзусэцу (北蝦夷図説)» («Иллюстрированное описание северного Эдзо»). В 1955 г. ее перевел на английский язык Джон А. Харрисон (Университет штата Флорида, США) под названием “*Kita Yezo zusetu or a Description of the Island of Northern Yezo by Mamiya Rinzo:*”, а затем на русский язык — В. В. Переславцев [Описание 1990: 112].

В 1828 г. изобразительный материал из «Хокуибункайёва» повторно воспроизвел Кавахара Кэйга. Работа этого прославленного нагасакского художника стала известна под названием «Карафуто фу:дзоку дзу (樺太風俗図)» («Иллюстрации обычаев на Карафуто»). В настоящее время она находится в Токийском государственном музее.

С конца XVIII — начала XIX в. северные области путешественники начали посещать сравнительно часто. Поэтому культура айнов Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов была хорошо описана в документах того времени. Примером могут служить словарь айнского языка Уэхара Кумадзиро и Абэ Тёдзабуро «Мосиогуса (藻汐草)» («Мосиогуса») (1792), работа Хата Авакимару (Мураками Симанодзё) (1760–1808) «Эдзосима кикан (蝦夷島奇観)» («О чудесах, увиденных на Эдзо») (1799–1800), сочинение Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо «Эдзо сэйкэй дзусэцу (蝦夷生計図説)» («Иллюстрированное описание быта эдзо») (1823). В них содержатся географические данные, обзор флоры и фауны, описание быта и обычаев местного населения. Особого внимания заслуживают разделы «Эдзо сэйкэй дзусэцу» об айнских жилищах, предметах культа и вооружении, а также разделы «Эдзосима кикан» о татуировках, допсах, лодках и даже древней неолитической керамике¹³. Примеча-

¹² В работах Мамия Риндзо часто встречается название одной из коренных народностей Сахалина — *сумэрэнкуру*. Считается, что этим словом путешественник называл нивхов.

¹³ В Рукописном фонде Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения хранится рукопись (7-я и 8-я тетради рукописи) «Хигасиэдзо ико: (東蝦夷彙考)» («Обзор восточных эдзо»). Документ представляет собой воспроизведение части «Эдзо сэйкэй дзусэцу». Переведен на русский язык В. В. Щепкиным.

Рис. 7. Карта Эдзо. «Эдзо фудзоку ниндзё:-но сата фудзу»,
Могами Токунай (1790).

Источник: [Mogami 1790 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

тельно, что Могами Токунай, неоднократно посещавший Хоккайдо и Сахалин, составил подробную карту островов (рис. 7) [Петрова, Горегляд 1963: 159, 169; Sasaki 1995: 44; Sasaki Toshikazu 2001: 74].

Помимо всего прочего, имеется множество других источников конца XVIII — начала XIX в. Среди них — записи Мацумаэ Хиронага «Мацумаэси (松前志)» («Заметки о Мацумаэ») (1781); Хидая Кюдзиро «Хигасиэдзоти Аккэси, Киитаппу, Кунасири иккэн (東蝦夷地あくけし、きいたつぷ、くなしり一件)» («Отчет по обследованию восточных земель Эдзо, Акукэси, Киитаппу, Кунашира») (1785); Сато Гэнрокуро «Эдзотииккэн (蝦夷地一件)» («Отчет по обследованию земель Эдзо») (1786), «Эдзосю:и (蝦夷拾遺)» («Собрание того, что осталось об Эдзо»), «Эдзосю:ихои (蝦夷拾遺補遺)» («Дополнение к Собранию») (1786); Кусихара Сэйхо «Эдзо котовадза дзокува (蝦夷諺俗話)» («Повествование об увиденном на Эдзо») (1792); Тани Гэнтан «Эдзофудзоку дзусики (蝦夷風俗図式)» («Зарисовки, характеризующие обычаи и нравы эдзо») (1799); Михо Кидзаэмон

«Карафуту ханаси (唐太話)» («Повествование о Карафуту») (1800); Ёсида Юри «Хигасиэдзоти никки (東蝦夷地日記)» («Дневники о землях восточных эдзо») (1800); Кондо Дзюдзо «Хэнъё:бункайдзукко: (辺要分界図考)» («Иллюстрированные разыскания о территориях и границах») (1805); Хабуто Масаясу «Кю:мэйко:ки (休明光記)» («Записи о славе просвещенного царствования» (записи служащих бакуфу)) (1807), а также труд Тэйдзо Баба «Эдзо дзаики якусэцу» («Перевод сведений об Эдзо») (1809).

Источник «Эдзосю:и» интересен тем, что в нем в качестве самоназвания айнов фигурирует слово *каи* [Kikuchi 1999: 198]. Необходимо отметить и многотомное издание «Кю:мэйко:ки», которое включает информацию об освоении японцами новых земель (в военном и культурном отношении) и контактах с русскими, а также трактат «Эдзо дзаики якусэцу», где собраны переводы записок иностранных, в первую очередь голландских, мореплавателей, побывавших на Хоккайдо с начала XVIII в. [Позднеев 1909, т. 1: XLIV].

Среди произведений, чье авторство не установлено, — сочинения «Карафутосё киран (唐太嶼奇覽)» («Об удивительном на Карафуту») (1809), «Хигасиэдзоти какубасё ё:су тайгайгаки (東蝦夷地格場所様子大概書)» («Очерк о местах басё восточного Эдзо») (1808–1811) и «Мацумаэсайдзикисо:ко: (松前歳時記草稿)» («Черновые наброски об обрядах и праздниках в Мацумаэ») (начало XIX в.).

На конец XVIII — XIX в. приходится расцвет творчества большинства художников, изображавших айнов. Известность получили Какидзаки Хакиё, Тани Гэнтан, Тисима Сюнри, Хаясака Бунрэй, Хирасава Бёдзан, Нисикава Хокуё. Многие из художников занимались исследованием земель Эдзо, поэтому писали картины, исходя из богатого жизненного опыта [Sasaki 1993: 219; Uchida 2004: 96].

Следует отметить мастера Какидзаки Хакиё (1764–1826), прославившегося серией из 12 айнских портретов «Исю:рэцудзо:», написанных по указу главы клана Мацумаэ Митихиро в 1790 г. Эти айны отличились перед кланом при подавлении мятежа 1789 г., произошедшего на Кунашире и в близлежащей области Хоккайдо — Мэнаси.

Изображения Тобу из Момбецу и других айнов в серии «Исю:рэцудзо:» считаются наиболее ранними реалистично написанными портретами.

Во второй половине XVIII в. в японских письменных источниках появилось довольно много информации об айнах северо-вос-

точных районов Хонсю. Важное место среди них занимает сочинение географа и врача Фурукава Косёкэн (1726–1807) «То:ю:дзакки (東遊雜記)» («Заметки о путешествии по востоку») (1788). В составе группы инспекторов бакуфу Фурукава Косёкэн удалось побывать и на северо-востоке Хонсю (области Муцу, Дэва), и на юге Хоккайдо (область Мацумаэ). Он составил обзор северных территорий Японии и указал на айнские обычаи, получившие распространение среди местного населения [Otsuka 1993: 114].

Значительный интерес представляют записи Мурабаяси Гэнсукэ, занимавшего пост *сюкуро*: города Охата (область Симокита) в феодальном владении клана Намбу¹⁴. В то время Охата был ключевым пунктом на торговом пути в земли Эдзо, и Мурабаяси Гэнсукэ собрал ценную информацию об общественной жизни города. Так, в его труде «Гэнсиманпицуфу:донэнпё: (原始漫筆風土年表)» («Ранние заметки (о Симокита) в хронологическом порядке») (1820) нашли отражение сведения о перемещении служащих и солдат, принудительном труде, поставках через море стройматериалов и налогов. Отмечены распоряжения властей, запрещавшие местным японцам следовать айнскими обычаям, и их постоянные нарушения [Ibid.: 112]. Айны из Симокита упоминаются и в анонимном источнике «Эдзо кокусики (蝦夷國私記)» («Личные записи об Эдзо») (1751–1764).

Айнам соседней с Симокита области посвятили свои заметки летописцы клана Цугару, составившие «Окуни никки (御国日記)» («Дневники клана Цугару») (велись с середины XVII в.). Кроме летописцев о цугарских айнах писали служащий Айсака Хёэмон в работе «Цугару итто:си (津軽一統志)» («Описание Цугару») (1731), литератор Хэдзуцу Тосаку в «То:ю:ки (東遊記)» («Записи о путешествии по востоку») (1784), ученый Кимура Кэндзи в «Хокко:нитироку (北行日録)» («Дневник о путешествии на север») (1793), путешественники Хирано Садахико в «О:миндзуи (奥民図彙)» («Сообщение о населении Муцу») (1788) и Сугаэ Масуми в «Сотогахам дзутахи (外が浜づたひ)» («Описание Сотогахамы») (1788)¹⁵ [Ibid.].

¹⁴ Из Охата отправлялись корабли в Хакодатэ. До середины XVIII в. важную роль играл другой маршрут — с п-ова Цугару (р-н Минмая) до Мацумаэ [Otsuka 1993: 112].

¹⁵ Сотогахамы — старое название побережья бухты в Муцу на п-ове Цугару.

Отметим, что Кимура Кэндзи известен не только своими записями, но и коллекцией айнской одежды из луба (айнск. *аттуси*) с Хоккайдо, где побывал в 1799 г. Приобретенные *аттуси* сохранились до сегодняшнего дня — они считаются старейшими из точно атрибутированных¹⁶. К заслугам Сугаэ Масуми, в свою очередь, можно отнести составление в 1780 г. альбома с изображениями керамики. Данный альбом стал очередной работой, посвященной древним памятникам, интерес к которым у японцев не угасал.

Спустя некоторое время после издания альбома в Японии было создано Общество любителей раритетов. В 1824–1825 гг. обществом публиковались заметки, в которых, помимо каменных орудий и керамических сосудов, нашли отражение глиняные антропоморфные фигурки *догу* и различного рода украшения. Впрочем, тогда научной значимости древностей еще не уделялось существенного значения, «господствовала оценка предметов с точки зрения их редкости, красоты и связанных с ними представлений» [Воробьев 1958: 13].

Из письменных и изобразительных источников по айнам второй половины XIX в. следует указать на записи служащего клана Хиросаки Хирао Росэн «Мацумаэ кико: (松前記行)» («Записи о путешествии в Мацумаэ») (1855?) и на серию иллюстраций одного из служащих клана Намбу «Бакумацуки Мороран фу:буцудзу (幕末期もろらん風物図)» («Виды Мороран заключительного периода правления сёгуната Токугава»). В первом источнике фиксируются айнские обычаи среди японцев, во втором показаны различные стороны быта айнов юго-западной части Хоккайдо. Кроме этого, врач и писатель Оути Хиросада составил значительный труд «То:кай ява (東蝦夷夜話)» («Вечерние рассказы о восточных эдзо») (1861).

Оути Хиросада в течение трех лет жил среди айнов восточной части Хоккайдо и много путешествовал по острову. Ему удалось описать местный быт и обычаи туземцев (частично айнского населения южных Курильских островов), показать межкультурные контакты с другими племенами на Сахалине и азиатском материке. Имеются иллюстрации и карты, которые были выполнены художниками Тадзаки Соун и Хасимото Гёкуран [Петрова, Горегляд 1963: 170].

¹⁶ К XVIII в. относятся также халат аттуси из старых коллекций МАЭ РАН и халат из Национального музея этнологии Лейдена. Автор благодарит за консультацию по данному вопросу Сасаки Сиро (Государственный этнологический музей Осака).

Заслуживает внимания двухтомное иллюстрированное издание «Нисиэдзо дзукан (西蝦夷図巻)» («Иллюстрации западного Эдзо»), составленное в середине XIX в. неизвестным автором. Здесь собран материал по разным темам, начиная от видовых изображений (Хакодатэ, Титосэ, Исикари и др.) и заканчивая рисунками отдельных растений и предметов материальной культуры. К рисункам даны краткие аннотации.

В 1849–1860-х гг. многочисленные экспедиции на южные Курильские острова (Кунашир, Итуруп и Уруп), Сахалин и Хоккайдо совершил известный географ и путешественник Мацуура Такэсиро (1818–1888). Проведя значительное время среди айнов, он многое узнал о различных сторонах их традиционной культуры.

Сведения, почерпнутые в ходе трех экспедиций на Курилы, были изложены М. Такэсиро в труде «Санко: Эдзо нисси (三航蝦夷日誌)» («Дневник троекратного плавания в земли Эдзо») (1850), сведения из поездки на Сахалин описаны в «Кита эдзо ёси (北蝦夷余誌)» («Дополнительные записи о северных эдзо») (1854) и «Карафутоникки (唐太日記)» («Дневник Карафутто», совместно с Судзуки Наотаро) (1854–1857), а данные по экспедициям на Хоккайдо нашли отражение в работах «Эдзониссё: (蝦夷日誌集)» («Собрание дневников с Эдзо»), «Эдзодзимбуцуси (蝦夷人物誌)» («Заметки об эдзо»), «Такэсиронисси (武四郎日誌)» («Дневники Такэсиро»), «Эдзо манга (蝦夷漫画)» («Зарисовки из жизни и быта эдзо»), «Нисиэдзо нисси (西蝦夷日誌)» («Дневники о западном Эдзо»), «Хигасиэдзо нисси (東蝦夷日誌)» («Дневники о восточном Эдзо»), «Исикари нисси (石狩日誌)» («Исикарский дневник»), «Ю:бари нисси (夕張日誌)» («Юбарский дневник»), «Кусури (Кусиро) нисси (久摺日誌)» («Кусурский дневник»), «Токати нисси (十勝日誌)» («Токатский дневник»), «Тэсио нисси (天塩日誌)» («Тэсиоский дневник»), большинство из которых написано в 1860–1862 гг. (рис. 8)¹⁷. В данных источниках описываются географическое положение островов, их флора, фауна, а также быт и обычаи айнов, включая особенности семейных отношений, племенного разделения, системы управления, языка. Текст нередко сопровождается иллюстрациями, которые выполнял либо сам автор, либо другие художники — Тадзаки Соун, Хасэгава Сэттэй, Хасимото Гёкуран и др.

¹⁷ Ксилографы и рукописи дневников Мацуура Такэсиро хранятся в Рукописном фонде Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

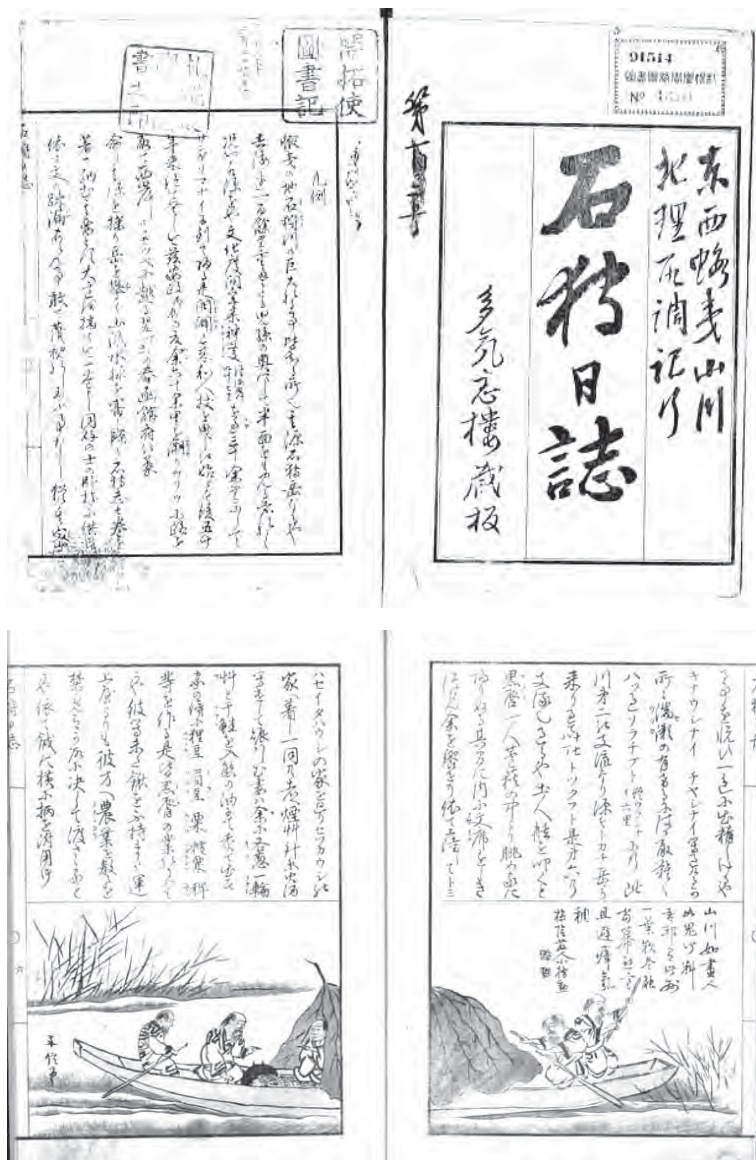

Рис. 8. Страницы труда Мацуура Такэсиро «Исикари нисси» (1860).
Источник: [Matsuura 1860 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

Если говорить о японских источниках середины XIX в. по айнам Сахалина, можно назвать труды Мацуда Дэндзиро «Хокуидан (北夷談)» («Повествование о северных эдзо») (1822) и Судо Канэнори (Хидэносукэ) «Китаэдзо гатё: (北蝦夷画帖)» («Иллюстрированный альбом о северных эдзо») (1857) [Петрова, Горегляд 1963: 159, 169; Sasaki 1995: 44; Sasaki Toshikazu 2001: 71, 74]. В количественном отношении таких источников было еще сравнительно мало.

Среди художников XIX в. наиболее прославился Хирасава Бёдзан (1822–1876). Его кисти принадлежит работа «Айну фу:дзоку дзю:никагэцу бё:бу (アイヌ風俗十二月屏風)» («Ширма с временами года и обычаями айнов»), картины «Кумаокури дзу (熊送り図)» («Изображение медвежьего праздника»), «Айну кумагари-но дзу (アイヌ熊狩の図)» («Изображение охоты айнов на медведей») и другие произведения (рис. 9). Несколько картин Хирасава Бёдзан имеется в собраниях Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, а также Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН¹⁸.

Примечательно, что в XIX в. в Японии стали появляться неточные репродукции картин предшественников, а также новые работы, отражавшие не реальность, а лишь умозрительные представления авторов об айнах [Sasaki 1993: 219, 222, 224].

Что касается европейцев, то немногочисленные упоминания о камчатских айнах встречаются у шведского подполковника Ф. И. Страленберга (1676–1747). Он принимал участие в полтавской битве, был взят в плен и сослан в Сибирь. В Сибири в течение 13 лет Ф. И. Страленберг проводил географические изыскания и сбор этнографического материала, в том числе об айнах.

В 1787 г. Сахалин посетил французский путешественник Ж. Ф. Лаперуз (1741–1788). Ж. Ф. Лаперуз обследовал Татарский пролив и западное побережье Сахалина, а также цепь Курильских островов и Камчатку. На западном берегу Сахалина мореплаватель встречался с айнами и нивхами и оставил о них ряд этнографических наблюдений, включая сведения о внешнем облике, одежде из луба, татуировках, украшениях. Эти сведения были опубликованы в книге “Voyage autour du monde” (1797).

¹⁸ Работы другого художника XIX в., подписанные «Хако Сандзин», хранятся также в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.

Рис. 9. Айны Хоккайдо, исполняющие традиционный танец.
Хирасава Бёдзан (середина XIX в.). Собрание Кодама Сакудзаэмон.
Источник: [Ainu-no shiki 1999: 79]

В 1795–1798 гг. берега Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов исследовала английская экспедиция под руководством капитана В. Р. Броутона (1762–1821). В. Р. Броутон изучил юго-восточное побережье Хоккайдо, особенно окрестности Вулканического залива, так же как и Лаперуз, посетил Татарский пролив, достиг о. Симушира.

Описывая айнов Вулканического залива, английский капитан обратил внимание на их наружность, в первую очередь на татуировки у женщин. Интересно, что, указывая на месторасположение татуировок, В. Р. Броутон отметил кисти рук, область вокруг рта, а также лоб. Обычай татуировать лоб встречался далеко не у всех айнов, поэтому замечание В. Р. Броутона наглядно характеризует одну из особенностей айнов данного региона. Кроме этого, в записях содержится информация об одежде из луба и шкур, поясах с аксессуарами, ушных и шейных украшениях, пище, утвари, лодках, жилищах, клетках с медведями и орлами.

Касательно орлов В. Р. Броутон предположил, что их откармливали для еды, но на самом деле это делалось в культовых целях. Дело в том, что на Сахалине орел был в числе главнейших священных животных наравне с медведем. Об этом свидетельствует одно из старинных преданий *уцэськома*, записанное Б. О. Пилсудским, на что в свое время обратил внимание В. Д. Косарев. Кроме того, орлы имели важное товарное значение: орлиные перья можно было выгодно продавать японцам.

Сохранились редкие изображения клеток с орлами в иллюстрированном труде Ниияма Сицу «Сюндо: хэнтай («蠢動変態»)» («Превращения несмышленишей»). Источник был составлен приблизительно в одно время с экспедицией В. Р. Броутона — в 1792 г. Так или иначе заметки англичан вошли в книгу “A Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean” (1804). Несомненно, они заслуживают высокой оценки.

Знакомству с айнской культурой европейцы во многом обязаны голландцу Исааку Титцингу (1745–1812), который во второй половине XVIII в. руководил голландской факторией в Нагасаки. Из Японии он привез довольно много рукописей, в том числе об айнах. Некоторые рукописи И. Титцинг переводил сам, и они были изданы еще при жизни ученого, а некоторые были переведены и опубликованы гораздо позднее.

Несколько слов следует сказать о Г. Ю. Клапроте (1783–1835) — немецком востоковеде, работавшем в начале XIX в. в Импе-

раторской Академии наук Санкт-Петербурга. Предполагается, что Г. Ю. Клапрот составил перевод японского источника Хаяси Сихэй «Сангоку цу:ран дзусэцу», о котором говорилось выше. Переведя данную работу, ученый снабдил ее сведениями из других источников и опубликовал в 1832 г. [Щепкин 2011: 39].

В первой половине XIX в. изучение айнов продолжил немецкий ученый Филипп Франц Зибольд (1796–1866) (рис. 10). Ф. Ф. Зибольд приехал в Японию в качестве врача голландской фактории в 1823 г. и долгое время находился в Нагасаки. Сохранились записи ученого об айнах, зарисовки, а также коллекция предметов материальной культуры. Они были опубликованы в Лейдене в 1832–1835 гг. в книге «Ниппон, материалы для описания Японии» (“Nippon, Archiv zur Beschreibung von Japan”) (рис. 11).

Когда голландский исследователь П. Леопе в 1858 г. издавал заметки о путешествии мореплавателя де Фриса, Ф. Ф. Зибольд дополнил их географическими и этнографическими заметками. Более того, вслед за Г. Ю. Клапротом он перевел часть труда Хаяси Сихэй «Сангоку цу:ран дзусэцу» на голландский язык [Там же].

Рис. 10. Ф. Ф. Зибольд (1796–1866). Источник: фото Д. Крэйнера

Рис. 11. Страницы труда Ф. Ф. Зибольда «Nippon, Archiv zur Beschreibung von Japan» (1827). Источник: [Siebold 1827]

Следует отметить, что в своих трудах по айнам Ф. Ф. Зибольд использовал информацию, почерпнутую из работ японских путешественников, главным образом Мамя Риндзо и Могами Токунай. Например, в работу «Ниппон» вошло много иллюстраций из «Хокуибункайёва».

Интересно, что изобразительный материал из «Хокуибункайёва», прежде чем попасть в «Ниппон», сначала был воспроизведен нагасакским художником Кавахара Кэйга. Работа этого мастера «Карафуту фу:дзоку дзу» («Иллюстрации обычаев на Карафуту») упоминалась ранее. Используя копии, сделанные Кавахара Кэйга, голландцы создали для «Ниппон» литографические рисунки. При этом если Кавахара Кэйга относительно точно скопировал материал «Хокуибункайёва», то голландцы для экономии места и средств брали несколько сцен с разных листов и объединяли их в одно целое [Степанова 2013: 267]. Хорошим примером служит иллюстрация, на которой показаны на заднем плане — айнские жилища, на среднем — нивхи, а на переднем — ороки [Sasaki 2013: 27]. В оригинальном источнике каждой тематике отведен отдельный лист¹⁹.

Основную часть этнографической коллекции Ф. Ф. Зибольда (113 предметов) также составляют вещи, полученные от японцев. В настоящее время они хранятся в музеях Лейдена, Берлина, Мюнхена и Мангейма [Olschleger 2011: 136]. К числу ценнейших экспонатов Национального музея этнологии Лейдена, в частности, можно отнести халат айнов Хоккайдо из древесного луба (айнск. *аттуси*). Он был подарен Ф. Ф. Зибольду Могами Токунай и, хотя точно не атрибутирован (датируется XVIII в.), считается одним из старейших в мире²⁰ [200 JAHRE 1996: 140].

В отличие от Ф. Ф. Зибольда, его сын Генрих Филипп Зибольд (1852–1908) в 1878 г. лично предпринял поездку на Хоккайдо и некоторое время даже жил среди айнов (рис. 12). Он собрал коллекцию айнских вещей, а также информацию о быте туземцев, преимущественно области Сару. В 1881 г. в Берлине вышло в свет небольшое издание Г. Ф. Зибольда “Ethnologische Studien über die Aino auf der

¹⁹ Кроме рисунков Кавахара Кэйга, в «Ниппон» вошли литографические листы с работами голландского художника Карла Губерта Вильнёва, находившегося в Японии вместе с Ф. Ф. Зибольдом [Степанова 2013: 267].

²⁰ Автор благодарит за консультацию Сасаки Сиро (Государственный этнологический музей Осака).

Рис. 12. Г. Ф. Зибольд (1852–1908). Источник: фото Д. Крэйнера

Insel Yesso”. Вещи, приобретенные на Хоккайдо (около 70 предметов), оказались в Этнологическом музее Вены [Ibid.].

В 1854 г. к Японским островам подошла американская эскадра под командованием командора М. К. Перри (1794–1858). Для западных стран это было знаменательное событие, поскольку оно послужило началом «открытия» Японии и знакомства с ее малоизвестной культурой. Участникам экспедиции удалось собрать некоторые сведения и об айнах Хоккайдо, главным образом южной части острова. Частично они вошли в сочинение Ф. Л. Гаука по истории экспедиции “Narrative of the Expedition of an American Squadron (Comm. Perry) to the China Seas and Japan” (1856), частично — в исследование соавторов Д. К. Нотта и Д. Р. Глиддона “Indigenous Races of the Earth” (1857).

Прекращение изоляции страны стало важным событием и для самих японцев. Они получили возможность ознакомиться с новейшими достижениями европейско-американской науки и заложить методологическую основу для развития таких дисциплин, как антропология и археология.

Первые научные археологические раскопки в Японии были осуществлены американцем Э. Морзом. В 1877 г. Э. Морз раскопал раковинную кучу в Омори (Хонсю (Канто)), а позднее опубликовал результаты исследований в статье “Shell mounds of Omori” (1879).

Открытия, сделанные Э. Морзом, пробудили интерес у молодых японских и зарубежных археологов к памятникам древности, и деятельность по изучению этих памятников стала стремительно набирать обороты. В 1879 г. Т. Сасаки и Х. Иидзима исследовали раковинную кучу Окадайра (Хонсю (Канто)), англичанин Д. Милн и Э. Морз осуществили ряд раскопок на Хоккайдо.

Активная деятельность многих ученых привела к тому, что в 1886 г. при Токийском императорском университете было создано Антропологическое общество, в 1896 г. при Токийском императорском музее — Археологическое общество, а в 1895 г. на Хоккайдо — Антропологическое общество г. Саппоро. Ученые, собиравшиеся вокруг этих обществ, публиковали результаты своих изысканий в периодических изданиях, устраивали лекции и выставки по археологии Японии, в том числе и по айнской тематике.

Почти сразу после первых археологических раскопок внимание исследователей сосредоточилось на айнской проблеме. Стали обсуждаться гипотезы о принадлежности памятников каменного века Японии айнам и, наоборот, об отсутствии связей древних обитателей островов Японского архипелага как с айнами, так и с японцами. Последняя гипотеза, сторонником которой являлся Э. Морз, нашла поддержку заведующего отделением антропологии Токийского императорского университета и председателя токийского Антропологического общества профессора Цубои Сёгоро (1863—1913). Ученый считал, что обитателями Японии некогда были *коропк-гуру* — карликовый народ, сведения о котором сохранились в айнском фольклоре. Доказательством этого, по мнению Цубои Сёгоро, в частности, являлось несоответствие облику айнов неолитических фигурок *догу*, отличия предметов материальной культуры у айнов и древних жителей Японии.

Свои взгляды Цубои Сёгоро излагал в многочисленных статьях «Журнала Антропологического общества», «Журнала востоковедения» и других периодических изданиях. Одна из них — “*Koropokkuru Hokkaido: ni sumishi narubeshi (コロポックル北海道に住みしなるべし)*” («Коропокгуру — жители Хоккайдо») (1887)²¹. Однако эти взгляды подверглись серьезной критике и в дальнейшем не нашли продолжения. Несмотря на это, работы, посвященные древней истории Японии, в том числе различным вопросам неолита (раковинным кучам, фигуркам *догу* и др.), до сих пор не утратили научной значимости.

Одним из критиков теории Цубои Сёгоро относительно народа *коропокгуру* стал известный археолог и антрополог профессор Токийского университета Коганэи Ёсикиё (1859–1944). Отстаивая теорию связи неолитического населения Японских островов с айнами, Коганэи Ёсикиё указал на сходства их антропологических типов, некоторых предметов материальной культуры, а также орнамента.

Коганэи Ёсикиё изучил серию черепов айнов Хоккайдо из разных районов острова и сравнил их с черепами айнов Сахалина. Он предположил, что сахалинские айны представляют собой менее смешанную группу, которая лучше хоккайдской сохранила исконный айнский антропологический тип. Во время экспедиции на о. Шикотан ученый также провел антропологическое исследование курильских айнов, сопоставив результаты с данными по другим регионам, и пришел к заключению, что айны Курил, Сахалина и Хоккайдо представляют единый этнос. Антропологии и этногенезу Коганэи Ёсикиё посвятил статьи “*Beiträge zur Physischen Anthropologie der Aino*” (1894), “*Ueber die Urbewohner von Japan*” (1903), “*Zur Frage der Abstammung der Aino und ihre Verwandtschaft mit anderen Volkern*” (1927).

Вторая половина XIX в. ознаменовалась изучением айнов с точки зрения не только археологии и антропологии, но также языкознания и этнографии.

²¹ Следует отметить, что в 1907 г. археологический отряд Токийского императорского университета во главе с Цубои Сёгоро провел раскопки на Сахалине. Были исследованы стоянки в окрестностях селений Кайдзука (ныне — Соловьевка) и Кита-кайдзука (Сусуйская стоянка (Сусуя-1)). Удалось найти множество обломков керамических сосудов, каменных и костяных орудий [Прокофьев 2006: 25].

В 1873 г. в Японию прибыл английский ученый Б. Х. Чемберлен (1850–1935). Автор многочисленных исследований в области японской литературы и культуры, он занял место профессора японской филологии Токийского университета и одним из первых серьезно занялся изучением айнского языка. В частности, Б. Х. Чемберлен сделал попытку лингвистического исследования топонимики Японии с позиций языка айнов.

Б. Х. Чемберлен совершил несколько поездок на Хоккайдо, собрал ценный лингвистический материал, а в 1887–1888 гг. опубликовал ряд исследований по айнскому языку и фольклору, среди которых — работа “The language, Muthology and Geographical Nomenclature of Japan viewed in the Light of Aino Studies” (1887). Важной заслугой можно считать также сбор коллекции айнских предметов. В настоящее время они находятся в Этнологическом музее Пита Риверса (Оксфорд) [Olschleger 2011: 134].

В 1878 г. Хоккайдо посетил миссионер-англичанин Дж. Бэчелор (1854–1944). Ему суждено было стать одним из наиболее выдающихся исследователей айнской культуры среди европейцев, ведь на Хоккайдо он прожил 63 года.

Дж. Бэчелор занимался не только изучением айнов, но и их образованием, улучшением условий жизни. Ученый предпринял попытку создать айнскую письменность на латинской основе, к тому же он впервые перевел на айнский язык христианскую религиозную литературу.

Особой заслугой Дж. Бэчелора стало составление айнско-англо-японского словаря, выдержавшего четыре издания (1887, 1905, 1926, 1938 гг.), публикация таких работ, как “The Ainu of Japan” (1892), “The Ainu and their Folk-lore” (1901). При этом исследователь собрал значительные по объему коллекции айнских вещей, которые по сей день хранятся в оксфордском Этнологическом музее Питта Риверса и музеях США²² [Котани 1992: 58; Спевачковский 1988: 12; Olschleger 2011: 134].

²² Во время пребывания на Хокайдо Б. О. Пилсудского (1903), а затем и известного специалиста по народам Сибири В. Н. Васильева (1912) ученые встречались с Бэчелором, делились опытом и даже вместе совершали поездки в айнские деревни. Встреча с Дж. Бэчелором, несомненно, оказала большое влияние на исследовательскую деятельность российских этнографов.

В 1887 г. в Японии проводил исследования американский ученый Р. Хичкок (1851–1923). На Хоккайдо, подобно своим предшественникам, он приобрел коллекцию предметов айнской культуры, опубликовал иллюстрированное этнографическое исследование “The ainos of Yezo, Japan” (1891), в котором представил статистические данные на конец XIX в., рассмотрел некоторые обычаи, составил описание айнской одежды, жилищ, погребений. В частности, внимания заслуживают указания на погребения в деревянных гробах, часто практиковавшиеся айнами Сахалина и в меньшей степени айнами Хоккайдо, а также описание разновидностей надмогильных столбов [Hitchcock 1891: 465].

С 1892 г. в Японии работал шотландец Н. Г. Манро (1863–1942). Особое значение он уделял древней истории Японии и археологии, чему и посвятил отдельную монографию “Prehistoric Japan” (1908, 1911). В ней нашли отражение такие вопросы, как расовые особенности древнего населения, его социальное устройство и хозяйственная деятельность. Была предпринята попытка систематизации накопленного до этого археологического материала.

На Хоккайдо Н. Г. Манро наблюдал айнов не только со стороны, но и непосредственно «изнутри», поскольку некоторое время жил в айнской деревне. Этот исследователь собрал 166 предметов, хранящихся в настоящее время в Королевском музее Шотландии, а в 1930 г. в Нибутани даже снял фильм «Иомантэ» («Проводы медведя»). После смерти ученого вышла его работа по айнским культам “Ainu Creed and Cult” (1963) [Olschleger 2011: 136].

Что касается антропологических исследований айнов западноевропейскими учеными, в первую очередь следует назвать англичанина Д. Бёска. Он составил описание черепа айна Хоккайдо и опубликовал его в статье “Description of an Aino skull” (1868). Другой англичанин Д. Б. Дэвис изучил еще три черепа и женский скелет, поместив результаты проделанной работы в “Description of the Skeleton of an Aino Woman and of three Skulls of Men of the same race” (1870). Вслед за этим была издана статья немецкого антрополога В. Денница “Bemerkungen uber Ainos” (1874). С этого времени вопросам антропологии и этногенеза айнов ученые разных стран стали уделять большое внимание.

Среди видных немецких исследователей рубежа веков — врач и антрополог Эрвин Бельц (1849–1913). Одним из первых он указал на сходство айнов с европеоидами и выдвинул гипотезу об их проис-

хождении от древнего европеоидного населения Восточной Азии. Эта гипотеза отчасти была изложена в статье “Die koeperlichen Eigenschaften der Japaner” (1883), отчасти — в других публикациях. Она нашла продолжение у французского антрополога Ж. Монтандона (1879–1945), автора работ по антропологии и этнографии айнов Хоккайдо “Au pays des Ainou. Exploration anthropologique” (1927) и “La civilization ainou et les cultures arctiques” (1937).

Французский географ Вивьен де Сен-Мартен (1802–1897), известность которому принес монументальный труд “Histoire de la géographie” (1873), основываясь на данных антропологии, первый высказал идею о южном происхождении айнов. По его мнению, айны являлись потомками древней «океанической» расы, которая некогда заселяла острова Юго-Восточной Азии.

Сторонниками теории «южного происхождения» стали не только многие зарубежные ученые, такие как немецкий географ Оскар Пешель и японский антрополог Коганэи Ёсикиё, но и отечественные антропологи — Л. Я. Штернберг, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров, М. Г. Левин.

Изучением быта и нравов айнов занимались англичанин Сэн-Джон, опубликовавший статью “The Ainos, aborigenes of Jezo” (1872), С. К. Холланд, издавший заметки “On the Ainos” (1873), известный путешественник, художник и антрополог А. Генри-Сэвидж Лэндор, перу которого принадлежит статья “Alone with the Hairy Ainu” (1893). Работы снабжены иллюстративным материалом и наглядно представляют как внешний облик айнов, так и различные предметы их материальной культуры, включая оружие. Позднее английский капитан Г. Д. Сноу, побывавший на Курилах в 1875-х гг., опубликовал этнографические наблюдения “Snow Notes on the Kuril Islands” (1897), а британский дипломат, специалист по истории и языку Японии и Кореи В. Г. Астон написал статью “The Japanese Gohei and Ainu Inao” (1901).

Образ жизни и обычаи айнов также нашли отражение в других трудах: французского миссионера Мерме де Кашона “Les Ainos” (1863), американского натуралиста А. С. Бикмора “The Ainos or hairy men of Yesso, Saghalien and the Kurile Islands” (1868), бывшего Генерального консула Германской империи в Токио Макса Брандта “Ueber die Ainos” (1872), немецких ученых Германа Риттера “Ueber eine Reise in Sudwestlichen Theile von Jezo” (1874) и Г. Шурца “Zur Ornamentik der Aino” (1896), польского антрополога И. С. Копер-

ницкого “O Kosciach I czaszkach Ainosow” (1882), “Czaszki Ainosow wedchug powych materialow” (1886) и шотландского фольклориста Д. Мак-Ричи “The Ainos” (1892).

В конце XIX в. большой вклад в изучение курильских айнов внес польский лингвист Б. Дыбовский, описавший некоторые обычаи туземцев и составивший словарь их языка “Słownik narzecza Ainów, zamieszkujących wyspę Szumszu w łańcuchu kurylskim przy Kamczatce” (1892). За год до выхода словаря Б. Дыбовского другой польский ученый, специалист по религиям И. Радлинский опубликовал небольшой айнско-польско-латинский словарь “Słownik narzecza ainow” (1891).

Период деятельности польских ученых совпал с началом переселения айнов Курильских островов на Хоккайдо, куда немного позднее были вывезены и айны Сахалина.

Характерно, что в конце XIX — начале XX в. многие путешественники уделяли внимание не столько изучению айнов, сколько сбору этнографических коллекций. В этом смысле интересна деятельность Х. М. Хиллера, американского врача и этнографа. Окончив Пенсильванский университет, он долгое время путешествовал по Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии и в 1901 г. побывал на Хоккайдо. В южных районах острова — селениях Сираой, Биратори и Мотомуроран — Х. М. Хиллер собрал предметы быта и культа айнов, которые в настоящее время представлены в Музее археологии и этнографии Пенсильванского университета (Филадельфия).

В 1900 г. Хоккайдо посетил профессор Колумбийского университета и специалист по морской биологии Д. Башфорд. На побережье Вулканического залива, в местности Ибури и окрестностях реки Сару исследователь собрал около 250 предметов и передал их в Американский музей естественной истории (Нью-Йорк) [Kotani 1999: 139].

Другим известным американским собирателем айнских коллекций стал антрополог Чикагского университета профессор Ф. В. Старр. Один раз в 1904 г. и два раза в 1910 г. он посетил Хоккайдо, где приобрел не только богатую этнографическую коллекцию, но также картины айну-э и фотографии с айнами. Основная часть коллекции — 320 предметов — попала в Бруклинский музей искусства (Нью-Йорк), еще 68 предметов — в музей Логан Белойтского колледжа (Белойт) [Ibid.: 142].

Интересно, что некоторые айнские коллекции из американских музеев приобретались не американцами, а японцами, стажировавшимися в Америке и Европе во второй половине XIX в. Примером может служить коллекция из 40 предметов по хоккайдским и сахалинским айнам, преподнесенная профессором Агрокультурного колледжа Хоккайдо И. Нитобэ Американскому музею естественной истории по просьбе известного ученого и покровителя этого музея Джеймса Артура [Ibid.: 141].

Кроме того, сбором айнских коллекций занимались специалист по аграрным вопросам В. С. Кларк, геолог Б. С. Лиман и другие американские исследователи, приглашавшиеся в Японию для модернизации хозяйства и экономики страны. Коллекции попадали в различные музеи, среди которых — Национальный музей естественной истории Смитсоновского института (Вашингтон), Музей антропологии Мичиганского университета (Энн Арбор), Общественный музей Милуоки (Милуоки), Лос-Анджелесский музей естественной истории (Лос-Анджелес), Королевский музей Онтарио в Канаде (Торонто).

Наиболее активная деятельность европейских собирателей в целом пришлась на то же время, что и американских. Так, коллекцию, включавшую 52 предмета, привез с Хоккайдо Макс Брандт (Берлинский этнологический музей), около 200 предметов — немецкий предприниматель Адольф Даттан (музеи Вены, Франкфурта, Дрездена, Осло, Лейдена), около 50 предметов — немецкий врач Бото Шейбе (Этнологический музей Лейпцига), более 150 предметов — немецкий путешественник Герман Шоде (Берлинский этнологический музей) и 148 предметов — ученый Адольф Фриц (Музей Бремена). Сахалинские айны были представлены значительно меньше хоккайдских — главным образом в собраниях Вильгельма Йоста (Берлинский этнологический музей, музеи Дрездена, Лейдена, Копенгагена, Кёльна, Мюнхена) и Адриана Якобсена (Берлинский этнологический музей) [Olschleger 2011: 134].

Возвращаясь к теоретическим исследованиям конца XIX — начала XX в., следует назвать работу известного японского военного деятеля и историка второй половины XIX — начала XX в. Окамото Рюносукэ (1852–1912) «Нитиро ко:сё: Хоккайдо: сико: (日魯交渉北海道史稿)» («Материалы для истории Хоккайдо в связи с отношениями Японии и России») (1898), отметив ее крайнюю тенденциозность. Этот автор попытался с исторической точки зрения обосновать

вать права Японии на «северные территории», для чего привлек множество исторических данных, включая сведения об айнах и их взаимоотношениях с кланом Мацумаэ. Обоснованную критику работе «Нитиро ко:сё: Хоккайдо: сико:» дал в своих исследованиях истории Японии российский востоковед Д. Позднеев [Позднеев 1909, т. 1: 15].

Значительный вклад в изучение прошлого Хоккайдо внес японский историк и археолог Коно Цунэкити (1862–1930). Состоя на службе в отделе по колонизации острова, он неоднократно совершал инспекционные поездки во все его уголки, даже самые отдаленные. В ходе этих поездок ученый встречался с айнами, делал этнографические заметки, попутно исследовал памятники археологии. Ему удалось собрать довольно обширный материал и опубликовать несколько статей, в том числе «Хоккайдо: сэнси дзидай-но исэки ибуцу нараби ни дзинруй (北海道先史時代の遺跡遺物並に人種)» («Население и исторические памятники Хоккайдо в древности») (1899).

В 1900 г. Коно Цунэкити совершил экспедицию на Курильские острова. Он побывал на Кунашире, Итуруп, Парамушире, Шумшу, исследовал здесь археологические памятники айнской и японской культур, а чуть позднее — и на Сахалине. По результатам экспедиций были изданы статьи «Китатисима-но танкэн дан (北千島の探見談)» («Сообщение об изучении северного Тисима») (1900) и «Тяси сунавати эдзо-но торидэ (チャシ即ち蝦夷の砦)» («Тяси — эдзоские крепости») (1905). Огромная археологическая коллекция, собранная Коно Цунэкити в течение жизни, в настоящее время хранится в Музее города Асахикава [Прокофьев 2006: 13, 14, 16].

К числу известных археологов, несомненно, можно отнести Исикава Тэйдзи (1864–1932) — сотрудника отдела геологических изысканий при Управлении губернаторства Хоккайдо. Во время своих путешествий по острову Исикава Тэйдзи занимался изучением древних стоянок, раковинных куч, сбором археологического материала. По результатам исследований он опубликовал несколько статей, среди которых — «Хоккайдо: ни ойтэ айну дзинруй кэнкю: -но кю:му то сэкки дзидай дзю:мин-но бумпу (北海道ニ於テアイヌ人種研究ノ急務ト石器時代住民ノ分布)» («Об обитателях Хоккайдо в эпоху каменного века и насущные задачи изучения айнов») (1889). Еще один известный археолог Яги Содзабуро (1866–1942) в работе «Нихон ко:когаку (日本考古学)» («Археология Японии») (1904) представил хронологическую периодизацию древнеяпонской куль-

Рис. 13. Тории Рюдзо (1870–1953). Источник: [Прокофьев 2006: 31]

туры. Он дал описание различных категорий археологических находок, кроме этого, привел ценные антропологические сведения.

На первую половину XX в. приходится деятельность профессора Токийского императорского университета Тории Рюдзо (1870–1953) (рис. 13). Этот выдающийся ученый отличался широтой научных интересов и долгое время провел в зарубежных экспедициях на Тайване, в Маньчжурии, Внутренней Монголии, Юго-Западном Китае, на Сахалине, Нижнем Амуре, а также на Курильских островах.

На Курильские острова Тории Рюдзо был командирован Токийским университетом в 1899 г., там он сосредоточил свое внимание на айнах. Тории Рюдзо охватил буквально все стороны жизни туземцев: внешний облик и антропологические данные, фольклор и язык, обычаи и нравы. Ученый собрал важные статистические данные.

Материалы, полученные на Курилах, легли в основу научных трудов «Тисима айну (千島アイヌ)» («Айны Тисима») (1903) и “Archeologiques et Ethnologiques. Les Ainou des Iles Kouriles” (1919). Наряду с этнографическим и антропологическим очерками сюда вошли проблемы этногенеза: была предпринята попытка сравнить курильских айнов с различными северными народами и обосновать их близость к древнему коренному населению Японии. В связи с этим одна из работ Тории Рюдзо «Юси идзэн-но Ниппон (有史以前乃日本)» («Доисторическая Япония») (1919) посвящена изучению каменного века в Японии. В ней приводятся археологические очерки отдельных районов, научно описываются различные памятники и группы инвентаря [Позднеев 1909, т. 1: 26; Прокофьев 2006: 35; Torii 1919: 158].

Период деятельности Тории Рюдзо совпал с научно-исследовательской работой коллекционера и археолога Нагао Матароку (1872–1955). Нагао Матароку работал на Хоккайдо в системе народного образования. Проявив большой интерес к истории края, он занялся археологическими изысканиями и стал собирать предметы древности и айнской культуры. В результате появилась уникальная коллекция, включавшая находки, обнаруженные на Хоккайдо, а также во время экспедиций на Курилах и Сахалине. В 1930–1940-х годах эта коллекция демонстрировалась в Японии на различных выставках. К сожалению, она почти вся погибла в 1945 г. во время бомбардировок американской авиации [Прокофьев 2006: 39].

Другой известный деятель — Кимура Синроку (1903–1941), служащий полицейского управления Хоккайдо, — долгое время провел на Сахалине. В разных районах острова молодой исследователь осуществлял раскопки стоянок и раковинных куч, собирал подъемный материал. Значительное время он посвятил изучению остатков древних укреплений *тяси*.

Коллекция Кимура Синроку хранится в Сахалинском государственном областном краеведческом музее. Среди публикаций ученого — статьи «Карафуту ни окэру тяси ни цуйтэ (樺太に於けるチャ

シに就きて)» («О тяси на Карафуто») (1933), «Исэки тяси-но цуйка (遺跡チャシの追加)» («Дополнительный материал по остаткам тяси») (1934) и «Карафуто-но сэкки дзидай (樺太の石器時代)» («Каменный век Карафуто») (1937) [Там же: 64].

Особое внимание к Курильским островам и южному Сахалину проявил доктор медицинских наук археолог Баба Осаму (1892–1979). Раскопками на Курилах этот ученый занялся еще в 1930-х годах — на Шумшу и Парамушире изучил памятники охотской и айнской культур, собрал значительный археологический материал, затем в 1935–1938 гг. вел раскопки на Сахалине в районе оз. Тарайка. Кроме подъемного материала на Сахалине, Баба Осаму удалось приобрести этнографические айнские коллекции. Большая их часть хранится в Музее северных культур г. Хакодатэ. Результаты раскопок нашли отражение в работах «Карафуто-но ко:когакутэки гайкан (樺太の考古学的概観)» («Археологический обзор Карафуто») (1940), «Карафуто айну-но тойтисэ ни цуйтэ (樺太アイヌの穴居家屋「トイチセ」に就いて)» («Землянки айнов Карафуто») (1951), «Карафуто, Тисима ко:ко миндзоку си (樺太・千島考古・民族誌)» («Заметки по археологии и этнографии Карафуто и Тисима») (1979) [Там же: 45].

Изучением северной Японии и окрестных территорий в то время занимались и другие археологи, такие как Гото Сюити и Сибата Цунэси. Они внесли значительный вклад в освоение нового материала и его систематизацию.

В 1937 г. на базе антропологической секции при Университете Хоккайдо был создан Институт культуры Севера, который сыграл заметную роль в объединении хоккайдских археологов и антропологов. С 1939 г. он начал издавать «Бюллетень Института культуры Севера» [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 10].

Среди антропологов в Японии большую известность получил Киёно Кэндзи (1885–1955). Значительное внимание в своих исследованиях ученый уделял неолитическим погребениям, воссоздавая по сохранившимся останкам облик древнего человека. Он сопоставлял неолитические черепа с различными айнскими и японскими краниологическими сериями и выявил различия между ними. Результаты его исследований были опубликованы в работах «Нихон сэкки дзидай дзин кэнкю: (日本石器時代人研究)» («Исследование человека каменного века Японии») (1928), «Нихон рэкиси-но акэбоно (日本歴史のあけぼの)» («На заре истории Японии») (1947) и «Кодай дзинкоцу-но кэнкю: ни мотодзуку нихондзинсю рон

(古代人骨の研究に基づく日本人種論) («Японская раса на основании изучения останков древнего человека») (1949).

В первой половине XX в. значительно увеличилось количество публикаций по айнам. Наибольшую известность среди айноведов получил профессор Хоккайдского университета Киндайти Кёсукэ (1882–1971), автор множества статей и монографий по истории айнской культуры, этнографии, языку и фольклору айнов (рис. 14).

Рис. 14. Киндайти Кёсукэ (1882–1971) в окружении айнов.
Источник: [Kindaichi 1925: 5]

Киндаити Кёсукэ глубоко изучал айнский язык, собирал и переводил айнские легенды и предания. Он прекрасно знал духовную и материальную культуру айнов, поэтому не только дал ее всестороннюю характеристику, но и осветил происхождение некоторых малоизученных обычаев. Среди публикаций Киндаити Кёсукэ «Айну-но кэнкю: (アイヌの研究)» («Изучение айнов») (1925), “Ainu life and legends” (1941) и другие работы, в том числе изданный после войны многотомный труд «Айну дзёдзиси ю:кар сю: (アイヌ叙事詩ユーカラ集)» («Собрание айнского эпоса юкар») (1959).

Одним из учеников Киндаити Кёсукэ был Тири Масихо (1909–1961), айн по происхождению, профессор Хоккайдского университета, первый из айнов, получивший степень доктора наук. На Хоккайдо и Сахалине Тири Масихо долгое время занимался исследованием языка и фольклора родного народа. Ученый быстро завоевал признание как выдающийся специалист в данной области. Немало времени Тири Масихо посвятил различным вопросам этнографии, неоднократно принимал участие в археологических раскопках древних стоянок и раковинных куч. Назовем некоторые его работы: «Айну-но сэцува (アイヌの説話)» («Сказания айнов») (1933), «Айну минтансю (アイヌ民譚集)» («Собрание айнского фольклора») (1937), «Айнуго-но сёкубуцумэй ни цуйтэ (アイヌ語の植物名に就いて)» («О названиях растений в айнском языке») (1943) и «Айнуго ню:мон (アイヌ語入門)» («Введение в айнский язык») (1955).

Сбору айнского фольклора посвятила себя и старшая сестра Тири Масихо Тири Юкиэ (1903–1922). После скорострительной кончины Тири Юкиэ в молодом возрасте вышла ее книга «Айну синё:сю: (アイヌ神謡集)» («Сборник айнских легенд») (1923).

Врач, археолог и лингвист Вада Бундзиро (1898–1959) особое внимание уделял такому малоизученному аспекту айнской культуры, как медицина. Значительное время он работал на Сахалине, где собрал много уникальной информации о народных рецептах сахалинских айнов, их лекарствах и ядах. Одну из своих статей «Докуя (毒矢)» («Ядовитые стрелы») (1941) ученый посвятил свойствам аконита. Он также занимался изучением айнского языка и сбором фольклора, исследованием древних стоянок и раковинных куч. По фольклору, в частности, была опубликована статья «Карафутто айну ни цутавару мукасибанаси (樺太アイヌに伝わる昔話)» («Легенды айнов Карафутто») (1941).

Проблемы языка и фольклора нашли особенно полное отражение в трудах другого исследователя — айна Каяно Сигэру. Можно указать на такие его работы, как «Уэпэкэр сютайсэй (ウエペケレ集大成)» («Полное собрание уэпэкэр») (1974), «Айнуго дзитэн (アイヌ語辞典)» («Словарь айнского языка») (2002), а также на более ранний труд по этнографии «Айну-но мингу (アイヌの民具)» («Айнские народные орудия») (1926).

Среди зарубежных исследователей-айноведов предвоенной поры известен шведский лингвист О. Гердман, опубликовавший работу “World parallels between Ainu and other languages” (1926), а также французский археолог и антрополог Андре Леруа-Гуран, написавший “Eine Reise zu den Ainu” (1938). Кроме этого, значительный вклад в сбор музейных коллекций внес венгерский ученый и путешественник Баратоши-Балог Бенедек. В 1914 г. он посетил Хоккайдо и Сахалин, где приобрел множество предметов культа и быта айнов. Около 500 экспонатов было передано в Музей Гамбурга, а 300 экспонатов — в Будапештский этнографический музей.

В том же году, что и Баратоши, на Хоккайдо побывал шведский ботаник Торил Вульф. Изучая айнов, путешественник приобрел около 300 предметов, которые в настоящее время хранятся в Этнологическом музее Стокгольма [Olschleger 2011: 136].

Во время Второй мировой войны научное изучение айнов сократилось. Несмотря на это, в указанный период Нисидзуру Садаёси опубликовал небольшую книгу «Карафуто айну (樺太アイヌ)» («Айны Карафуто») (1942), Касай Такэтиё — «Карафуто айну-но миндзоку (樺太アイヌの民俗)» («Народность айну Карафуто») (1943), Ямамото Юко — «Карафуто айну-но дзю:кё (樺太アイヌの住居)» («Дома айнов Карафуто») (1943) и «Карафуто гэнси миндзоку-но сэйкацу (樺太原始民族の生活)» («Жизнь аборигенов острова Карафуто») (1944). Как видно из названий, эти работы посвящались айнам Сахалина (Карафуто). В них давалась краткая характеристика быта туземцев, их обычаев, предметов материальной культуры. Некоторые из разделов, касающиеся погребального обряда, вооружения, а также жилищ, содержат редкие и ценные сведения.

Археологическая наука военной поры находилась в упадке и в послевоенный период развивалась довольно медленно. С одной стороны, многие исследователи занялись обработкой уже накопленных материалов и изданием обобщающих работ, с другой — они готовились к новым экспедициям.

На Хоккайдо археологи начали с раскопок раковинных куч Моёро около г. Абасири и пещеры Омогари. Особенно проявил себя энтомолог и археолог Коно Хиромити (1905–1963). Во время исследования хоккайдских памятников ученый обнаружил ритуальные предметы, кости древнего человека, другие ценные находки, ставшие объектом многих дискуссий. Кроме того, на Хоккайдо и Сахалине Коно Хиромити продолжил этнографические исследования айнов, начатые еще в довоенный период. Он изучил их жилища, предметы культа, некоторые обычаи. Результаты этнографических и археологических изысканий нашли отражение в его работах «Хоккайдо: сэкки дзидай гайё: (北海道石器時代概要)» («Обзор каменного века Хоккайдо») (1935), «Кайдзука дзинкоцу-но надзо то айну-но иомантэ (貝塚人骨の謎とアイヌのイオマンテ)» («Загадка человеческих костей в раковинной куче и айнский медвежий праздник») (1935), «Айну-но сэйкацу (アイヌの生活)» («Жизнь айнов») (1956) и «Айну-но гэйдзюцу (アイヌの芸術)» («Искусство айнов») (1958) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 11; Прокофьев 2006: 84].

С середины XX в. важная роль отводится археологическим лабораториям научных центров Японии. В 1949 г. экспедиция Университета Васэда провела раскопки на островах Рисири и Рэбун, в 1949–1951 гг. экспедиция Токийского университета исследовала хоккайдские памятники неолита Дзитинъяма, Микасаема, Отоэ, Карибуто. Кроме того, раскопками занимались любительские общества, которые стали в большом количестве создаваться при муниципалитетах и музеях. Они издавали отчеты, статьи и другие научные материалы.

В 1949–1950 гг. в Ивадзюку и Гонгэнъяма (префектура Гумма (Хонсю)) археологам удалось обнаружить каменные орудия периода палеолита. С этого времени ученые принялись изучать памятники докерамических культур и разрабатывать периодизации палеолита и неолита.

Наряду с теоретическим осмыслением древних культур Японии многие ученые уделяли внимание этногенезу айнов. Один из них — профессор Токийского университета историк и этнограф Ока Масао (1898–1982). Занимаясь происхождением японцев, он выделил айнов в качестве важного этнического компонента японской нации и связал их с дзёмонцами. Свои взгляды Ока Масао изложил в трудах «Нихон миндзоку (нихон миндзоку бунка-но кэйсэй) (日本民族(日本民族文化)の形成)» («Японская нация (формирование

японской культуры») (1956) и «Идзин сонота — нихон миндзоку = бунка-но гэнрю: то нихон кокка-но кэйсэй (異人その他—日本民族=文化の源流と日本国家の形成)» («Отличные люди и другое. Японская нация = распространение культуры и формирование японской нации») (1979).

Огромный вклад в развитие археологии Хоккайдо и Хонсю, а также Сахалина был сделан профессором университетов Тохоку и Мияги археологом Ито Нобуо (1908–1987) (рис. 15). Его деятельность охватывала значительный период времени и была связана со многими открытиями. На Хоккайдо Ито Нобуо исследовал памятники Эбэцу, Сираой, Асахикава, Кусиро, Нэмуру, Эсаси, Вакканай, Соя, на Сахалине — Товада, Сони-Кайдзука, Хигаси-Тарайка, Сирануси и др. Он провел множество раскопок также в Тохоку и других районах Хонсю.

На Сахалине ученому удалось обнаружить самую древнюю на тот период керамику (возрастом 6 тыс. лет). Кроме того, он внимательно изучил керамику охотской культуры и разработал для нее

Рис. 15. Ито Нобуо (1908–1987). Источник: [Прокофьев 2006: 108]

свою классификационную схему. Во время одной из экспедиций на Южном Сахалине Ито Нобуо сделал уникальные этнографические находки — айнские кожаные доспехи.

Неоднократно Ито Нобуо занимал научные должности в разных университетах и исследовательских учреждениях, избирался членом различных комитетов и обществ, в том числе членом Общества исторических памятников Карафуто. Ему принадлежат многочисленные труды, такие как «Карафуто ни окэру Сина сики додзэ: (樺太に於ける支那式土城)» («Земляные укрепления китайского типа на Карафуто») (1936), «Карафуто сюцудо-но дзэ:мон доки (樺太出土の縄紋土器)» («Дзёмонская керамика, обнаруженная на Карафуто») (1937), «Китами сюцудо-но варабитэто: ни цуйтэ (北見出土の蔵手刀に就いて)» («О мечех варабитэто:, обнаруженных в Китами») (1938), «Сэндай тихо:-но кодай бунка (仙台地方の古代文化)» («Древняя культура области Сэндай») (1941), «Кодай То:хоку тихо:-но но:гё: (古代東北地方の農業)» («Земледелие в древнем Тохоку») (1950) [Воробьев 1958: 15; Прокофьев 2002: 82; 2006: 108, 116].

Вторая половина XX в. была отмечена новыми важными открытиями в археологии доисторической Японии. В 1970-х годах на о-ве Кюсю в пещере Сэмпукудзи (Нагасаки) была обнаружена керамика с налепным бобовидным орнаментом *то:рю:мон*, относящаяся к более раннему времени, чем керамика с налепными жгутами *рю:кисэнмон*, долгое время считавшаяся в Японии самой древней. В памятниках Усирино (префектура Ибараки) и Одайямамото-1 (префектура Аомори) также удалось найти не менее древнюю керамику без орнамента, а чуть позднее в восточных районах Хонсю появились и новые находки керамики с налепными жгутами. Это вызвало бурную полемику среди археологов и заставило по-иному взглянуть на классификационные схемы предшествующего периода. Археологи Оцука Татино, Сакамото Акира и др., изучавшие находки, попытались разработать новые классификации, определить пути проникновения древней керамики на Японские острова [Murakami 2007: 5].

Вопросами каменного века Северной Японии, помимо японских ученых, активно занимались зарубежные авторы. 1950–1970-е годы отмечены публикациями европейских исследователей — Г. Д. Грота “Prehistory of Japan” (1951), Дж. Е. Киддера “A reconsideration of the ‘pre pottery’ culture of Japan” (1954), “Japan before Buddhism” (1959), Р. К. Бёдсли “Japan before history: a survey of the archaeological record”

(1955), американских и канадских археологов — Х. Бефу и Ч. С. Чарда “Preceramic cultures in Japan” (1960), Р. Е. Морлана “The preceramic period of Hokkaido: an outline” (1967), В. М. Харлея “The Hamanasuno Projekt” (1974). Большое внимание они уделяли хронологии и происхождению древних культур, а также их локальным особенностям. Исследуя каменные орудия, керамику, остатки фауны и флоры, они охарактеризовали связи Японии с культурами азиатского континента, Сибири и другими регионами [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 33; Чард, Морлан 1970: 115].

Историю освоения северных земель японскими колонистами и их взаимоотношения с айнами осветил в своих работах Такакура Синитиро (1902–1990). Можно назвать такие его труды, как «Айну сэйсаку си (アイヌ政策史)» («История политики по отношению к айнам») (1943), «Хоккайдо: такусёку си (北海道拓殖史)» («История колонизации Хоккайдо») (1947), «Хоккайдо: си ни цуйтэ (北海道史について)» («Об истории Хоккайдо») (1949). Данную тему в дальнейшем продолжил Окуяма Рё, среди известных сочинений ученого — «Хоккайдо: си кэнкю:-но аюми (北海道史研究のあゆみ)» («Шаги в изучении истории Хоккайдо») (1964), «Айну суйбо: си (アイヌ衰亡史)» («История гибели айнов») (1966) и «Айну — котан-но хика (アイヌ—コタンの悲歌)» («Айны — элегия котан») (1970).

Натори Такэмицу (1905–1988) значительное внимание уделял духовной стороне айнской культуры. Предметам культа он посвятил работы «Карафуту Тисима-но инау то итокпа (樺太千島のイナウトイトクパ)» («Инау и итокпа айнов Карафуту и Тисима») (1959) и «Айну-но ханая то юёку сакэбаси (アイヌの花矢と有翼酒箸)» («Ритуальные стрелы айнов и палочки икупасуй») (1985). Его монографию о ритуальных стрелах и палочках можно без преувеличения назвать монументальным справочным изданием, в котором приводится история бытования этих предметов, дается подробная их классификация, разъясняется значение наносившихся на них рисунков и символических знаков. Некоторые работы, такие как «Айну то ко:когаку (アイヌと考古学)» («Айны и археология») (1972), касаются ранних этапов истории айнов и их предков.

Различными вопросами айнской культуры занимался Сарасина Гэндзо. В трудах «Кума мацури (熊祭)» («Медвежий праздник») (1955), «Айну минва сю: (アイヌ民話集)» («Собрание айнских сказаний») (1963) и «Айну — рэкиси то миндзоку (アイヌ—歴史と民族)» («Айны: история и обычаи») (1968) исследователь дал описание

некоторых промысловых занятий айнов, их религиозных воззрений, фольклора, предметов быта и культа, коснулся общих вопросов этнографии и истории. Другой ученый — Хаяси Ёсисигэ — сосредоточил внимание на земледелии. Этот подсобный вид хозяйственной деятельности туземцев он описал в статьях «Айну-но хасю гидзюцу то сайбай сакумоцу (アイヌの播種技術と栽培作物)» («Искусство посева у айнов и выращивание зерновых») (1960) и «Айну-но но:ко: бунка-но кигэн (アイヌの農耕文化の起源)» («Происхождение земледельческой культуры айнов») (1964).

Научные интересы Фудзимото Хидэо касались погребального обряда и этногенеза. Они нашли отражение в статьях «Айну-но хака — ко:когаку кара мита айну бунка си (アイヌの墓—考古学からみたアイヌ文化史)» («Могилы айнов — история айнской культуры с позиций археологии») (1964), «Хоккайдо:-но фумбо о мэгуру мондай (北海道の墳墓をめぐる問題)» («Вопросы, касающиеся погребений Хоккайдо») (1965). Кубодэра Ицухико изучал фольклор и культуры. Среди его трудов — «Карафуту айну-но сяманидзуму (樺太アイヌのシヤマニズム)» («Шаманизм у айнов Карафуту») (1961), «Сару айну-но инау ни цуйтэ (沙流アイヌのイナウに就いて)» («Об инау айнов области Сару») (1971), «Айну-но мукасибанаси (アイヌの昔話)» («Айнские предания») (1972), «Айну-но бунгаку (アイヌの文学)» («Айнская литература») (1977).

Кроме этого, по вопросам культов и погребальных обрядов в 1970-е годы неоднократно публиковал статьи Оцука Кадзүэси. Проблемы общественного устройства и систему родства освещал Ватанабэ Хитоси. Историю военной конфронтации айнов и клана Мацумаэ проанализировал Синъя Гё, в том числе в работе «Айну миндзоку тэйко си (アイヌ民族抵抗史)» («История сопротивления айнов») (1974).

В послевоенное время особый интерес к айнам стали проявлять американские ученые. Достаточно назвать статьи профессора Университета Кэттеринга Б. К. Эттера “Traditions and Culture of the Vanishing Aborigines of Japan” (1949), антрополога и этнолога Д. Б. Корнела “Ainu assimilation and cultural extinction” (1964), К. Шустера “The Ainu Inao. Some Comparative considerations” (1968), а также работы лингвиста Э. П. Хэмпа “On the problem of Ainu and Indo-European” (1968) и археолога Ч. С. Чарда “A new Look at the Ainu Problem” (1968). Несколько позднее, в 1970–1980-е годы, список публикаций существенно расширился. М. И. Хилгер, занимавшаяся вопросами этнологии и антропологии, написала моногра-

фию “Together with the Ainu: a Vanishing People” (1971), специалист по духовной культуре сахалинских айнов, исследовательница Эми-ко Онуки-Тирни — работы “Sakhalin Ainu Folklore” (1969) и “Spatial Concepts of the Ainu of the Northwest Coast of Southern Sakhalin” (1972), профессор социологии П. Гейзер совместно с антропологом и лингвистом Ф. Пенем — труд “The Ainu: the Past in the Present” (1977), а специалист по языку, истории Японии и айнскому фольклору Д. Л. Филиппи — работу “Songs of Gods, Songs of Humans. The Epic Tradition of the Ainu” (1979).

Каждая из перечисленных публикаций наряду с общими сведениями приоткрывала завесу над той или иной малоизученной стороной айнской культуры. В частности, Онуки-Тирни в “Spatial Concepts...” подробно рассмотрела модель традиционной космогонии айнов, сферы деятельности различных божеств и их функции; Ф. Пен и П. Гейзер, основываясь на полевых исследованиях, осветили систему родства и брачные отношения у айнов бассейна р. Сапу, названия работ — “Sakhalin Ainu Folklore” или “Songs of Gods, Songs of Humans...” — говорят сами за себя [Спеваковский 1986: 48; Ohnuki-Tierney 1972: 443].

Среди немецких специалистов внимания заслуживают труды востоковеда И. Радера “Etymological vocabulary of Japanese, Corean and Ainu” (1956), Н. Р. Адами “Verzeichnis der europaischsprachigen Literatur ueber die Ainu” (1981), Х. Д. Ольшлегера “Technology, Settlement and Hunting Ritual” (1999). Одну из своих статей “Ainu Collections in European Museums” (2011) Х. Д. Ольшлегер посвятил анализу айнских коллекций в европейских музеях. Японскими и айнскими коллекциями за рубежом также занимался профессор Университета Хосэй Джозеф Крэйнер.

Отметим также профессора Познаньского университета доктора филологических наук, специалиста по языку айнов и народов Дальнего Востока А. Ф. Маевича и работу “Dzieje i legendy Ainow” (1983), а также датского лингвиста Рефсинга Кирстена и его монографию “The Ainu language: the morphology and syntax of the Shizunai dialect” (1986). Подобного рода исследования в настоящее время особенно актуальны, поскольку освещают уже утраченный пласт культуры.

В настоящее время японскими учеными ежегодно издается большое количество работ, посвященных айнам. Авторы многих из них — сотрудники Центра по изучению культуры айнов и коренных

народов при Университете Хоккайдо, Музея истории освоения Хоккайдо, Музея айну в Сираой, Центра изучения культуры айнов Хоккайдо, а также других научно-исследовательских учреждений. Отметим лишь некоторых исследователей, затрагивающих различные айноведческие аспекты, и их публикации.

В первую очередь это крупнейший специалист по истории, этнографии айнов и живописи айну-э Сасаки Тосикадзу. Он много лет изучает коллекции картин на айнскую тематику, хранящиеся в Японии и за рубежом, при этом пристальное внимание уделяет творчеству известного художника середины XIX в. Хирасава Бедзан. Когда проводилась атрибуция российских коллекций живописи, в которых обнаружили работы прославленного художника, этот эксперт помог идентифицировать уникальные экспонаты. Среди публикаций ученого можно отметить работы «Айну-э ни миру до:буцу (アイヌ絵にみる動物)» («Животные на картинах айну-э») (1993), «Ainu-e: A Historical Review» (1999), «Айну ни вататта нихон сэйхин (アイヌに渡った日本製品)» («Японская продукция, которая передавалась айнам») (2001), «Айнубункаси но:то (アイヌ文化誌ノート)» («Заметки по айнской культуре») (2001), «Ару айну-э-но кайсяку (あるアイヌ絵の解釈)» («Разъяснение некоторых картин айну-э») (2002). В «Айнубункаси но:то», в частности, исследуется происхождение одежды, приводятся ее характеристика и типологизация, а также подробно рассматриваются ремесла и предметы декоративно-прикладного искусства [Sasaki 2001: 52].

В области археологии лидирующее положение занимает Утагава Хироси. Большинство его работ посвящено изучению Хокайдо и этногенезу айнов. Среди них — «Хоккайдо: ни окэру Сацумонсикидоки дзидай-но татэанасики дзю:кё ато (北海道に於ける擦文式土器時代の竪穴式住居址)» («Остатки полуподземных жилищ периода керамики сацумон на Хоккайдо») (1966), «Хоккайдо: (北海道)» («Хоккайдо») (1973), «Айну бунка сэйрицу си (アイヌ文化成立史)» («История становления айнской культуры») (1992), «Токоро тяси ато исэки-но тё:са сэйка (トコロチャシ跡遺跡の調査成果)» («Результаты изучения остатков укрепления тяси Токоро») (2001). В данных работах дается обзор древних жилищ, погребений, раковинных куч и оборонительных сооружений, рассматриваются типологические разновидности керамики, характеризующие локальные культуры Хокайдо и прилегающих с севера областей. Автор часто прослеживает параллели доайнских и айнской культур [Utawaga 1992: 246].

Хиракава Ёсинага, также занимающийся вопросами археологии, опубликовал статью «Кинсэй айну фумбо-но ко:когакутеки кэнкю: (近世アイヌ墳墓の考古学研究)» («Археологическое исследование айнских погребений периода Кинсэй») (1984), в которой обобщил данные об айнских погребениях. Работа ценна тем, что воссоздает облик айнов названной эпохи, неизвестный по письменным и этнографическим источникам. Автор заставляет по-новому взглянуть на некоторые погребальные традиции, обнаруживающие параллели с неолитом [Hirakawa 1984: 414].

Следует отметить научную деятельность специалистов в области языкознания Мураяма Ситиро и Мурасаки Кёко. Мураяма Ситиро принадлежат публикации «Айну го-но кигэн (アイヌ語の起源)» («Происхождение айнского языка») (1992) и «Китатисима айнуго (北千島アイヌ語)» («Язык айнов северного Тисима») (1971), а Мурасаки Кёко — «Карафуту айнуго (樺太アイヌ語)» («Язык айнов Карафуту») (1976) и «Карафуту айнуго ко:сё: сирё: (樺太アイヌ語口承資料)» («Материалы по устной традиции в языке айнов Карафуту») (1989).

Занимаясь диалектом сахалинских айнов, Мурасаки Кёко исследовала записи песен, сделанные Б. О. Пилсудским на Сахалине в 1902–1905 гг. при помощи фонографа. Восковые валики с песнями были обнаружены в Польше и восстановлены в 1980-х годах группой ученых Хоккайдского университета под руководством Т. Асакура. В одной из серии статей «Записи Б. О. Пилсудского любовных песен сахалинских айнов», переведенных с английского языка на русский В. Г. Сваловой, Мурасаки Кёко сравнила ритмический строй и содержание песен Б. О. Пилсудского со звуковыми данными из других источников [Мурасаки 1992: 45].

Важные проблемы антропологии рассматриваются в работах профессора Университета Рюкю Исида Хадзимэ и профессора Университета Тохоку Додо Юкио. Значительное внимание они уделяют сравнительному анализу костных останков айнов и древнего населения Хоккайдо [Dodo, Ishida 1990: 280]. Общие вопросы истории и этнографии освещают Кикиути Исао, Сасаки Каору, Оцука Кадзуёси, Мориока Кэндзи, Кобаяси Кодзи, Удзииэ Хитоси, Мураками Коити, Усиро Хироси, Сэгава Такуро, Эмори Сусуму, Сасаки Сиро, Огихара Синко, Кохара Тосихиро.

Огихара Синко, почетный профессор Университета Тиба, и Кохара Тосихиро, профессор, сотрудник Центра изучения культу-

ры айнов Хоккайдо, неоднократно публиковали статьи по айнским коллекциям музеев России. Одна из совместных работ так и называется — «Айнские коллекции в России» (2007). Оба ученых проделали огромную работу по атрибуции российских коллекций и их популяризации за рубежом — уникальные экспонаты из России неоднократно демонстрировались на крупных выставках Японии, неизменно пользуясь большим успехом.

Российские источники

Уже в первой половине XVII в. владения русских в Сибири простирались до Охотского моря и Камчатки. В 40-х годах XVII в. казаки, достигшие дальнего Востока (отряды Ивана Москвитина и Василия Пояркова), со слов эвенков и нивхов, получили первую информацию об айнах Сахалина.

Не исключается, что отряду Москвитина в 1640–1641 гг. удалось побывать на Курилах. Следы русских мореходов были обнаружены там капитаном голландского судна М. Г. Фрисом, посетившим Курилы в 1643 г. Сохранилось также сообщение колымского казака Никифора Малгина о том, что приблизительно в середине XVII в. он бывал в тех местах [Таксами, Косарев 1990: 44].

В 1697 г. землепроходец Владимир Атласов, стоявший во главе казачьего отряда, повстречался с камчадалами Камчатки. У туземцев он выкупил потерпевшего незадолго до этого кораблекрушение японского торговца Дэмбэя. Как известно, в 1702 г. Петр I встречался с Дэмбэем в предместье Москвы — Преображенском, а в 1705 г. определил японца учителем японского языка в математическую судоходную школу Петербурга²³.

Под впечатлением от доклада Атласова о камчатской пушнине, а также от рассказов Дэмбэя в 1702 г. Петр издал указ, «предписывающий освоение Камчатки и сбор сведений о Японии для подготовки к установлению торговых контактов с этим государством» [Стефан 1990: 30]. Волей якутского воеводы исполнение указа было возложено на атамана Данилу Анциферова и есаула Ивана Козыревского.

²³ Первые сведения русских о японцах относятся к более раннему времени — середине XVII в. Их получил от нижнеамурских нивхов Степан Васильевич Поляков — участник амурского похода Я. П. Хабарова 1652 г. [Полевой 1994: 97].

В 1711 г. И. Козыревский со своими сподвижниками проник на первый курильский остров Шумшу, вступив в контакт с камчадалами, вытесненными до этого с Камчатки. Русские, не имея возможности продвинуться дальше на юг, получили некоторые сведения о южных островах от туземцев [Там же: 33]. Еще один поход И. Козыревского, состоявшийся в 1713 г., оказался более удачным — казаки высадились на второй остров Парамушир, где вступили в бой с айнами [Русские землепроходцы 1982: 57, 58; Елизарьев 2007: 577].

При помощи переводчика-японца по имени Санэмон, находившегося в составе экспедиционного отряда, И. Козыревский получил подробную информацию о других районах Курильской гряды и, кроме этого, сделал «чертеж Камчатки, Курильских и Японских островов». Таким образом, были получены некоторые сведения не только о Курилах, но и о Японии [Полонский 1994: 4; Русские землепроходцы 1982: 58; Стефан 1990: 33].

Из военного похода казаки И. Козыревского привезли трофеи: «одежды кропивные, дабинные и шелковые, сабли и котлы» [Ксенофонтова 1969: 287]. Это были типично айнские вещи, которые вначале отправили в Якутск, а затем в Москву, в «казну великого государя». Не исключено, что некоторые из них попали в Кунсткамеру, которая была основана по указу Петра I в 1714 г., куда на протяжении XVIII в. поступали все ранние восточные коллекции. Впрочем, судьба айнских вещей И. Козыревского до сих пор неизвестна [Ксенофонтова 1969: 280; Синицын 1999: 9].

Отметим, что в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (наследнике петровской Кунсткамеры) есть коллекция старинных предметов быта и культа айнов Курильских островов, и среди них — халат из луба (айнск. *amtsucu*). Халат датируется предположительно XVIII в. и наряду с упоминавшимися халатами из коллекций Кимура Кэндзи и Ф. Ф. Зибольда считается очень старым. Возможно, история происхождения халата (как и других вещей) связана с походами И. Козыревского.

Вслед за И. Козыревским на Курильские острова по распоряжению Петра I была направлена экспедиция во главе с геодезистами И. М. Евреиновым и Ф. Ф. Лужиным. В 1720—1721 гг. они побывали на Камчатке и Курилах, достигнув центральной группы о-вов вплоть до Симушира.

У Симушира исследователи попали в сильный шторм и оказались выброшенными на Парамушир. Здесь состоялась их встреча

с айнами. Мореплаватели получили от туземцев все необходимое, починили судно и благополучно вернулись на Камчатку в Большерецк. По результатам экспедиции была составлена карта с указанием 14 островов. В 1722 г. карту и отчет И. М. Евреинов представил царю.

В 1737 г. на Камчатку прибыл крупный русский географ XVIII в. С. П. Крашенинников — тогда начинающий исследователь. Он находился здесь четыре года, занимаясь широкими естественно-научными и этнографическими изысканиями. С. П. Крашенинников составил словари языка аборигенов, собрал богатый фольклорный и этнографический материал (рис. 16).

Согласно С. П. Крашенинникову, айнов было около 500 человек, проживали они на мысе Лопатка и соседних островах. Итурупские и урупские айны называли себя *кых-куши*, обитатели других Курильских островов — *куши* [Крашенинников 1994, т. 1: 115, 120].

В экспедиции С. Крашенинникова принимал участие Осип Аргунов, служивший в Якутской воеводской канцелярии и прикомандированный к Крашенинникову академиком Г. Ф. Миллером. Он вел наблюдения, записи, составлял географические и этнографические отчеты. В 1740 г. О. Аргунов перешел в распоряжение Г. В. Стеллера и на следующий год по его указанию отправился на Курильские острова. Посетив о-ва Шумшу и Парамушир, путешественник составил «Описание на Первом острове живущих курилов, о их обычаях и поведении» (1741), в котором охарактеризовал местные «быт, обычаи, нравы, верования, методы воспитания детей и лечение болезней, показал значение контактов с русскими... попытался определить основные различия во внешнем виде айнов-курилов и ительменов-камчадалов» [Полевой 1988: 72, 73, 76].

В 1738–1739 гг. к берегам Японии была направлена экспедиция русского мореплавателя М. Шпанберга (?–1761). Участникам экспедиции удалось побывать на Курильских островах и встретиться с айнами. Они отметили некоторые особенности быта туземцев, их обычаи, вполне вероятно, приобрели какие-то вещи. Все собранные коллекции были доставлены в Россию. Достоверно известно, что некоторые японские вещи в 1742 г. попали в Кунсткамеру²⁴.

²⁴ К сожалению, большинство ранних восточных коллекций Кунсткамеры погибло во время пожара в 1747 г. Сохранившиеся экспонаты остались без точного описания.

Собраніе словъ Курильскаго языка	
богѣ, камуй.	Дорога, ру.
Дьяволѣ, уинѣ-камуѣ.	Лѣсѣ, ни.
Небо, ниссѣ.	Дерево, янтураснѣ.
Облака, уурарѣ.	Море, Апуйка.
Вѣтрѣ, ксерѣ.	Озеро, по.
бура, исупу.	рѣка, пепѣ.
Дождь, сиругѣнѣ.	рѣчка, мемѣ.
Снѣгѣ, упашѣ.	Песокѣ, ошѣ.
Градѣ, каукигѣ.	Грязь, шейнипой.
Громѣ, умѣ.	Камень, поина.
Молнія, камуй-сѣуунѣ.	Желѣзо, каанѣ.
Солнце, } чупу.	Человѣкѣ, аину.
Луна, } чупу.	Отецѣ, мичѣ.
Звѣзда, кешѣ.	Мать, апу.
день, по.	Сынѣ, кпугу.
Утро, нисѣпѣ.	Дочь, кпоммачѣ.
Полдень, пѣбананащкѣ.	братѣ большой, кѣупи.
Вечерѣ, онууманѣ.	— меньшей, какѣ.
Ночь, сиркуннѣ.	Сестра большая, кса.
Полночь, упаканнашкѣ.	— меньшая, уармашѣ.
Годѣ, пѣюанѣ.	Мужѣ, какаѣ.
Земля, котанѣ.	Жена, кмачѣ.
Гора, опгурѣ.	Отрокѣ, пумпу.
Пригорокѣ, оннанѣ-опгурѣ	дѣвочка, пумашѣ.
Огонь, апѣ.	Господинѣ, тонѣ.
дымѣ, сѣупуя.	Слуга, усѣху.
Жарѣ, апѣушашѣ.	Служанка, ксѣгугѣ.
Вода, пи.	Голова, паопѣ.
Полс, сѣешѣ.	Волосы, чу.
	7 борода

Рис. 16. Страница словаря языка айнов Курил.
«Описание земли Камчатки» Крашенинникова (1756).
Источник: [Крашенинников 1994: 185]

В 1750 и 1753 гг. на Курильские острова совершил поездку сборщик подати Николай Сторожев, а спустя чуть более 10 лет, в 1766 и 1767 гг., — казачий сотник И. Черный. Во время экспедиции, целями которой были сбор подати и приведение местного населения в российское подданство, И. Черный жестоко обходился с туземцами, чем вызвал всеобщую неприязнь и враждебное отношение. Он составил черновой журнал, в котором описал 19 островов Курильской гряды. В этом журнале упоминаются и айны [Русские экспедиции по изучению 1989: 11].

Так или иначе, с середины XVIII в. русские начали активно осваивать Курилы. В разных местах Курильской гряды стали появляться русские поселения.

Все ранние сведения об айнах Курильских островов были суммированы в работе А. С. Полонского «Курилы», опубликованной в «Записках Русского географического общества» в 1871 г.

Врач по образованию, А. С. Полонский долгое время служил на флоте, кроме того, состоял членом совета Главного управления Восточной Сибири в Иркутске. Во время службы в Сибири он начал собирать сведения о российских мореплавателях и путешествиях на Тихом океане [Полонский 1994: 5].

В работе «Курилы» нашли отражение физико-географические особенности районов, заселенных айнами, история освоения этих районов русскими мореплавателями, краткое антропологическое описание айнов, важнейшие аспекты их материальной и духовной культуры. Через несколько лет после публикации она была переведена на японский язык известным общественным и политическим деятелем Т. Эномото.

Многие архивные материалы, использованные А. С. Полонским (сам он на Курилах, видимо, не был), впоследствии были утрачены. В частности, в 1869 г. почти полностью сгорел Иркутский архив, в котором хранилась значительная часть документации по Тихоокеанскому региону [Там же].

В 1778 г. отдаленные Курильские острова посетил иркутский посадский Д. Я. Шабалин. Информация об этом также содержится у А. С. Полонского, который указывает, что на Курилах Д. Я. Шабалин через переводчика общался с айнскими старшинами, от которых узнал много интересных фактов, в частности об их вооружении и охотничьем снаряжении. Кроме этого, в бухте Аткись он встречался с японцами и обменивался с ними подарками. Русские

получили японскую одежду и посуду, которую отправили в Петербург.

Через переводчика Чикина Д. Я. Шабалин договорился с японцами о встрече на Кунашире в следующем году, и эта встреча состоялась. Русским снова удалось приобрести одежду, лаковую утварь, а также боевой доспех со шлемом. Кроме японцев, русские неоднократно встречались и с айнами²⁵.

В конце XVIII в. к русским поступали сведения не только о курильских айнах, но и об айнах Хоккайдо. В 1792–1793 гг. А. Э. Лаксман в качестве официального посла от императрицы Екатерины II посетил Хоккайдо, где сделал важные наблюдения о туземцах.

Из путешествия в Японию А. Э. Лаксман привез интересную коллекцию вещей, включавшую предметы декоративно-прикладного искусства и вооружения японцев, а также два предмета с Курильских островов — снегоступ и модель лодки (предположительно айнские). Частично эти приобретения поступили в 1794 г. в Кунсткамеру, где хранятся поныне.

В 1799 г. по инициативе мореплавателя, промышленника и купца Г. И. Шелихова была образована Российско-Американская компания. К ней перешли все российские владения на Тихом океане, в том числе на Курилах и Сахалине. Эти острова стали исследоваться более активно [Позднеев 1909, т. 1: 220].

На Урупе Г. И. Шелихов попытался основать русское поселение. В 1795 г. туда было отправлено 38 русских и два алеута под начальством В. К. Звездочетова. Однако грубое обращение вызвало у туземцев волну недовольства и вынудило русских покинуть остров. Они переселились на Итуруп, а оттуда вернулись на Камчатку. Впоследствии Российско-Американская компания для участия в промысловой деятельности стала посылать на Курилы не русских, а алеутов, расселившихся там к 1860 г. (вплоть до Урупа) в большом количестве [Анучин 1876: 98].

В 1805 г. на Сахалине (а также на Хоккайдо) побывали участники кругосветной экспедиции под руководством И. Ф. Крузенштерна, который подробно описал южное побережье Сахалина и залив Анива, восточное побережье, залив Терпения и северо-

²⁵ Переговоры с японцами закончились предложением торговать в Нагасаки. Но русские, не видя в этом выгоды, обратили свое внимание на Алеутские острова [Полонский 1871: 455, 461].

восточную оконечность острова. Участник экспедиции — натуралист, врач и художник В. Г. Тилезиус фон Тиленау выполнил несколько айнских портретов (с натуры и по памяти) и ряд зарисовок с видом залива Румянцева (Хоккайдо) и Анива (Сахалин). Судовой мастер И. П. Корюкин изобразил лодку айнов Сахалина, а лейтенант шлюпа «Надежда» Е. Е. Левенштерн — айнов, их жилища, лодки, ножи, курительные трубки²⁶ [Шафрановская, Комиссаров 1985: 80].

Рисунки Е. Е. Левенштерна выполнены с натуры акварелью, карандашом, пером. Они содержатся в написанном на немецком языке дневнике мореплавателя (рис. 17). В частности, в нем Е. Е. Левенштерн писал, что айны строят традиционные жилища из соломы, в центре устраивают очаг, а над ним вешают котел; около отверстия для дыма, оставленного в крыше, коптят сельдь. Летом туземцы носят халаты из луба, а зимой — собачьи и медвежьи шубы; женщины на губах и руках делают татуировки в виде полосок.

Кроме дневников и рисунков Е. Е. Левенштерна, сохранился словарь айнского языка натуралиста и этнографа Г. И. Лангсдорфа.

В экспедиции Крузенштерна принимал участие Н. П. Резанов, который в качестве представителя российского правительства был направлен в Японию с дипломатической миссией. После неудавшихся переговоров он самостоятельно предпринял попытку военного вмешательства и в 1805 г. разработал план нападения на японские поселения, располагавшиеся на Сахалине и Курилах.

Командирами судов для предстоящего похода Н. П. Резанов назначил состоявших на службе Российско-Американской компании лейтенанта Н. А. Хвостова и мичмана Г. И. Давыдова. Они атаковали японские посты и, помимо этого, вступили в переговоры с айнами [Ксенофонтова 1969: 293].

В 1806 г. Н. Хвостов встречался с айнами на южном побережье Сахалина в Анива. Айнскому вождю была вручена «серебряная медаль на владимирской ленте» и документ, подтверждавший переход этого селения в подданство Российской империи [Российско-Американская компания 1994: 157]. Весной 1807 г. Н. Хвостов вновь побывал в заливе Анива вместе с Г. Давыдовым, который составил небольшой словарь айнского языка.

²⁶ Экспедиция И. Ф. Крузенштерна осуществлялась на приобретенных в Великобритании небольших кораблях «Нева» и «Надежда».

Рис. 17. Портреты айнов. Е. Е. Левенштерн (1805).
Источник: [Шафрановская, Комиссаров 1985: 82]

В июне 1807 г. после окончания экспедиции суда возвратились в Охотск, и начальник охотского порта И. Н. Бухарин, расценив действия Н. Хвостова и Г. Давыдова как государственное преступление, арестовал их. Все трофеи были конфискованы. Частично российская сторона постаралась вернуть Японии японские вещи, принеся японскому правительству официальные извинения. Частично вещи отправили в Петербург — Александр I распорядился передать их в Эрмитаж, а затем в Кунсткамеру.

Вслед за экспедицией Н. Хвостова и Г. Давыдова айны Курил, а также Хоккайдо оказались в поле зрения капитана В. М. Головнина, занимавшегося изучением Шантарских и Курильских островов. В 1807 г. В. М. Головнин на шлюпе «Диана» совершил путешествие на Камчатку, а затем отправился исследовать Курильские острова. В 1811 г. на Кунашире он был захвачен японским гарнизоном в плен и оказался в Японии. Во время пребывания в Японии В. М. Головнин узнал много интересного о японской культуре и дал ее описание в работе «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением замечаний его о Японском государстве и народе» (1816). В этом труде нашли отражение некоторые айнские обычаи. Обращают на себя внимание, в частности, указания В. М. Головнина на наземные жилища хоккайдских айнов.

В целом японцы неохотно допускали свободное общение между местным айнским населением и иностранцами, на что в свое время указывал А. Э. Лаксман.

Следует отметить, что первая половина XIX в. стала важным этапом в формировании айнских коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. В 1826 г. в Музей поступили четыре предмета курильских айнов (одежда, курительные трубки, колчан) от Адмиралтейского департамента, а в 1840-х годах — ряд предметов от И. Г. Вознесенского (1816—1871), участника экспедиции 1839—1849 гг. в Северо-Западную Америку.

В коллекции И. Г. Вознесенского 28 экспонатов. Среди них — стрелы с костяными и металлическими наконечниками, колчаны, луки, принадлежности к самострелу, ложки, сумочки из травы, корзины, модели лодок и чашка японского производства. Как в России, так и за рубежом подобных предметов курильских айнов немного, поэтому все перечисленные экспонаты представляют большую ценность.

Среди ранних сообщений об айнах Сахалина следует назвать заметки морского офицера В. А. Римского-Корсакова. В 1852 г. он командовал шхуной «Восток». На этом судне совершил путешествие к берегам Японии, а оттуда — в устье реки Амур, где занимался гидрографическими исследованиями и съемками. Ему также было поручено осмотреть Татарский пролив и юго-западную часть Сахалина. Высадившись на Сахалине в 1853 г., В. А. Римский-Корсаков встретился с айнами, подробно описал их быт и нравы. Его заметки были опубликованы в «Морском сборнике» (1858).

В 1850-е годы вышло указание российского правительства об исследовании дальневосточных регионов. Экспедицию, которую условно называют «Амурской» (1850–1854), возглавил капитан-лейтенант Г. И. Невельской. Трудно переоценить значение экспедиции, ведь Г. И. Невельскому и его сподвижникам удалось изучить и присоединить к России обширный край, включавший Приморье, Приамурье и о-в Сахалин²⁷. В 1854 и 1855 гг. началось планомерное заселение края русскими крестьянами [Смоляк 1954: 77].

Экспедиционным отрядом на Сахалине руководил Н. В. Буссэ. В заливе Анива при его непосредственном участии был заложен пост Муравьевский. Сохранились записи Н. В. Буссэ об айнах, в которых показан их внешний облик, обычаи, подробно описаны взаимоотношения с японцами и нивхами. Эти и некоторые другие сведения вошли в «Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени» (1861–1863), составленное П. А. Тихменевым.

Кроме Н. В. Буссэ, к айнам проявил интерес соратник Г. И. Невельского лейтенант Н. В. Рудановский. Он занимался топографической съемкой, географическим описанием местности. Попутно изучая туземцев, Н. В. Рудановский составил словарь их языка, включающий около 400 слов, и собрал подробные статистические данные об айнских селениях [Там же].

В 1859–1862 гг. Русское географическое общество организовало новую Амуру-Сахалинскую экспедицию, руководителем которой стал специалист в области ботаники и геологии Ф. Б. Шмидт. Один из участников экспедиции, доктор А. Д. Брылкин, сосредото-

²⁷ Важным открытием экспедиции Невельского было точное установление того, что Сахалин — это остров, а не полуостров, как считалось до этого.

чил внимание на устном творчестве айнов Сахалина. В «Записках Сибирского отдела Русского Императорского географического общества» (1864. Т. VII) он опубликовал айнскую колыбельную песню [Осипова 2008: 24].

Планомерное изучение российскими исследователями культуры айнов получило распространение во второй половине XIX в.²⁸ Так, в 1876 г. Д. Н. Анучин опубликовал капитальный труд «Племя айнов (материалы по антропологии Восточной Азии)», в котором он дал полную историографическую справку по айнам, а также их этнографическую характеристику и анализ теории происхождения. Российский читатель получил возможность ознакомиться с переводами ряда уникальных ранних документов по айнам, составленных японскими и европейскими путешественниками и миссионерами, а также с документами отечественных исследователей [Анучин 1876: 176]. В 1870-х годах в свет вышли статьи по этнографии айнов Сахалина Ф. М. Депрерадовича и М. М. Добротворского.

Ф. М. Депрерадович находился на военной службе Российской империи, и его жизнь была связана с военной карьерой. В 1865 г. он был назначен адъютантом командующего войсками Восточно-Сибирского округа, в 1868 г. стал начальником Сахалинского отряда, получив под свое начало военные посты. Ф. М. Депрерадович собрал обширные сведения о духовной и материальной культуре местного населения, большая часть которых вошла в «Сборник историко-статистических сведений о Сибири» (1877).

М. М. Добротворский, врач по профессии, начал службу в Восточной Сибири. В 1867 г. он был командирован на Сахалин, где прослужил более пяти лет. Труды М. М. Добротворского представляют уникальные исследования в области медицины и языка айнов. К их числу относится «Айнско-русский словарь» (1875) на 2060 слов, в котором, помимо лексики айнов Сахалина, Хоккайдо, Куриль-

²⁸ В России тогда наблюдался повышенный интерес к Японии. Во многом он был обусловлен политическими событиями того времени. Например, в связи с тем, что в 1870 г. в Японии была учреждена Русская духовная миссия, издавалось множество небольших работ по объему работ, в которых давалась краткая характеристика японской культуры. В некоторых работах того времени имеются данные и об этническом составе Японии, и об айнах.

ских островов и Камчатки, приводится подробный этнографический очерк.

В этом очерке М. М. Добротворский отмечал, что к изучению языка аборигенов русских подталкивали тесные контакты с айнами. Поскольку по-айнски говорили почти все местные японцы, то этот язык стал средством общения между русскими и японцами [Добротворский 1875: 32].

Еще одно интересное наблюдение касалось проблемы местных названий и трудности полевых исследований: для обозначения одних и тех же предметов у айнов существовало много слов. Отчасти различия в прочтении были обусловлены особенностями диалектов. Кроме того, в айнском языке были буквы (*б* и *п*, *с* и *ш*, *о* и *у*, *е* и *и*), имевшие «среднее» произношение. Поэтому одни и те же айнские слова этнографы нередко записывали по-разному, в зависимости от того, как слышали. Более того, постоянно общаясь со своими соседями (японцами, нивхами и русскими) и слыша слова своего языка в искаженном виде, айны легко привыкали к таким искажениям и при общении с иностранцами намеренно использовали их сообразно тому, как те их произносили. Некоторые составители айнских словарей, не будучи профессиональными этнографами и лингвистами, не учитывали этой особенности (скорее всего, даже не знали о ней) — они фиксировали слова с явно искаженным звучанием [Там же: 5].

Вслед за работами Ф. М. Депперадовича и М. М. Добротворского ряд статей, посвященных айнам, был опубликован в краеведческих и периодических изданиях, таких как «Известия Русского географического общества» и «Известия Сибирского отделения Русского географического общества». В конце XIX — начале XX в. вышел трехтомный труд Л. И. Шренка «Об инородцах Амурского края» (1883–1903). Еще в 1853–1857 гг. ученый возглавил экспедицию, отправленную на Амур и Сахалин по инициативе Петербургской академии наук. Он посетил многие селения на Сахалине, в Приамурье, на Курильских островах и составил их описание.

Одним из достоинств работы Л. И. Шренка стало то, что, кроме собственных полевых наблюдений, он суммировал и изложил существовавшие к тому времени знания о жителях Дальнего Востока, собранные русскими путешественниками за 30 лет — с 1850 по 1880 г. [Смоляк 1954: 78].

В 1880-х годах участником новой экспедиции на Сахалин от Русского географического общества стал зоолог И. С. Поляков

(1845–1887). Целью экспедиции было исследование острова в физико-географическом, естественно-историческом и антропологическом отношении, в том числе изучение следов деятельности древних, вымерших к тому времени народов [Анучин 1952: 103].

И. С. Поляков прибыл на Сахалин в 1881 г. Несколько месяцев он занимался изучением ороков и айнов в районе залива Терпения, затем совершил путешествие по южному Сахалину, достиг Корсаковского поста и там провел важные археологические изыскания айнских погребений [Поляков 1884: 14]. Ученый также посетил селения айнов Могун, Такоэ, Найбучи, Найоро, Сиска, Касни, побывал в верховьях реки Сусуя и Поронай [Там же].

В 1882 г. состоялась поездка И. С. Полякова в Японию. Около восьми месяцев он изучал там фауну и флору и, кроме этого, исследовал археологический материал известных в то время памятников каменного века (стоянки Омори и Синагава). И. С. Поляков не только описал археологический материал, но и рассмотрел его в связи с древними культурами Приморья и Сахалина [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 34]. Результаты экспедиций были опубликованы в «Отчете об исследованиях на острове Сахалине, в Южно-Уссурийском крае и в Японии» (1884).

Активной и плодотворной представляется деятельность А. В. Григорьева, занимавшего в 1892–1903 гг. должность секретаря Русского географического общества. Еще в 1879 г. он был включен в состав экспедиции к устью Енисея. Причиной экспедиции стала неудача шведского мореплавателя А. Е. Норденшёльда, совершавшего тихоокеанское путешествие; его шхуне пришлось встать на зимовку недалеко от Берингова пролива. Для розыска мореплавателей по инициативе одного из организаторов экспедиции А. М. Сибирякова к устью Енисея был отправлен корабль, на котором и оказался А. В. Григорьев.

После короткой остановки в Японии (Иокогама) судно (с Григорьевым на борту) двинулось дальше по направлению к Берингову проливу, но наскочило на мель близ о. Хоккайдо [История полувековой... 1896: 688].

В Японии А. В. Григорьев занимался изучением айнов. На Хоккайдо в районе Вулканического залива он составил небольшой словарь их языка и собрал значительную этнографическую коллекцию — 60 экспонатов, в том числе произведения японской живописи на айнскую тематику *айну-э*. Весной 1880 г. А. В. Григорьеву

также удалось приобрести в Токио несколько иллюстрированных рукописей на японском языке, которые ныне хранятся в Институте восточных рукописей Российской академии наук в Санкт-Петербурге и представляют большую научную ценность.

Вслед за А. В. Григорьевым айны Хоккайдо оказались в поле зрения путешественника и ученого Григория де-Воллана, который около шести лет прожил в Японии и за это время успел внимательно изучить местных жителей. В работе «В Стране восходящего солнца» (1903) исследователь подробно описал айнскую одежду, жилища, особенности хозяйственной деятельности и некоторые обычаи.

Следует напомнить, что Сахалин, этот малоизученный остров, еще в 1858 г. по указу царского правительства стал местом ссылки²⁹. Не удивительно, что среди первых исследователей были не только мореплаватели и ученые, но и военные и каторжане. Именно они начали систематическое и многостороннее изучение айнов и других коренных жителей — нивхов и ороков, разрабатывая основы соответствующей методологии. Одним из ссыльных, ставшим впоследствии известным ученым, был Л. Я. Штернберг (1861–1927) (рис. 18)³⁰.

В 1891 г. состоялась поездка Л. Я. Штернберга на северо-западный и северо-восточный берега Сахалина. Путешественник проделал длительный путь по суше и воде, добравшись до мыса Марии — самой северной оконечности острова. В 1892–1893 гг. ученый предпринял несколько экспедиций по реке Поронай, обследовав южную и юго-западные области, а в 1894 г. вновь посетил западное побережье. Он изучил обрядность, систему родства, хозяйственную деятельность и другие аспекты культуры туземного населения (нивхов, ороков и айнов), подкрепив концепцию южного происхождения айнов, базировавшуюся до этого главным образом на антропологическом материале. Результаты научных изысканий ученого нашли отражение в таких трудах, как «Кульм инау у племени айнов» (1905) и «Айнская проблема» (1929).

²⁹ Сначала высылка каторжан на Сахалин была эпизодической и лишь к началу 1870-х годов приобрела постоянный характер. Одной из важнейших причин являлось стремление заселить южную часть острова и уменьшить там японское влияние [Елизарьев 2007: 386].

³⁰ Будучи студентом, Л. Я. Штернберг принимал участие в деятельности партии «Народная воля». В 1886 г. он был арестован и приговорен к ссылке на десять лет.

Рис. 18. Л. Я. Штернберг (1861–1927). Источник: [Гаген-Торн 1975]

В пользу гипотезы южного происхождения, по убеждению Л. Я. Штернберга, свидетельствует сходство предметов материальной культуры айнов и народов Юго-Восточной Азии, Индонезии, Полинезии, Меланезии и некоторых других областей (ткацкий станок, набедренные повязки, отравленные стрелы, варганы, стружки *инау*); сходство фонетики и других элементов айнского языка с полинезийской языковой группой; антропологическое сходство. Первоначальной родиной айнов, считал ученый, могла быть Западная Австронезия [Штернберг 1929: 337]. Автор, однако, в то время не мог учесть куда более длительное, чем считалось ранее, пребывание айнских предков на Японских островах и ряд других, еще не известных науке факторов, противоречащих его теории.

Среди этнографических сборов, сделанных Л. Я. Штернбергом на Сахалине, — атрибуты медвежьего праздника айнов и деревянные изделия со стружками *инау*. В настоящее время они хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (№ 656).

Рис. 19. Б. О. Пилсудский (1866–1918). Источник: [Прокофьев 2006: 35]

Б. О. Пилсудский (1866–1918) оказался на Сахалине, как и Л. Я. Штернберг, но на два года раньше его, в качестве ссыльного (рис. 19). Он исследовал на острове практически все крупные айньские поселения. В 1898–1899 и 1902 гг. ученый собирал этнографический материал на Южном Сахалине, в 1902–1903 гг. — на Восточном побережье, в 1904–1905 гг. — в центральных и северных областях, а в 1903 г. вместе с польским этнографом и писателем В. А. Серошевским (1858–1945) — на Хоккайдо. Здесь Б. О. Пилсудский и В. А. Серошевский посетили айньские селения Сираой и Биратори.

В ходе экспедиций удалось составить подробное описание малоизученных обрядов, собрать уникальный материал по фольклору (в частности, было записано несколько десятков валиков для фонографа с легендами и обрядовыми песнями) и много предметов материальной культуры. Значительная часть вещей поступила в Музей антропологии и этнографии (это наиболее многочисленные поступления Музея). Кроме того, немало экспонатов было переда-

но в Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), будущий Сахалинский областной краеведческий музей в Александровске (ныне — Южно-Сахалинск), Приморский государственный объединенный музей им. Арсеньева (Владивосток).

В 1899–1902 гг. одну из экспедиций Русского географического общества на Сахалин возглавил зоолог П. Ю. Шмидт. На западном побережье Сахалина, в селении Маука, он собрал 42 предмета, включая орудия охоты, рыболовства, а также утварь и одежду. Эти предметы составили раннюю коллекцию Российского этнографического музея.

Начало XX в. ознаменовалось выходом в свет фундаментального труда по истории Японии и айнской культуре востоковеда Д. М. Позднеева — «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России» (1909). Ученый указал на круг проблем, связанных с этногенезом древнего населения и социально-политическим устройством общества, описал события, связанные с открытием Японии русскими флотоводцами, дал всеобъемлющий обзор японских источников. Особое внимание Д. М. Позднеев уделил внешней политике клана Мацумаэ по отношению к айнам. В хронологическом порядке он изложил основные события, происходившие во время правления того или иного главы клана.

В 1912 г. состоялась специальная экспедиция к айнам Сахалина и Хоккайдо под руководством сотрудника Русского музея В. Н. Васильева. Сбор предметов производился на средства Этнографического отдела Русского музея (который позднее стал Российским этнографическим музеем).

На Сахалине В. Н. Васильев объездил множество айнских поселений, располагавшихся на восточном и западном побережье (сел. Большой Такой, Рёри, Найбучи, Айхама, Одасан, Сирарока, Мануэ, Охакотан, Тоннайча, Маука, Тарантомари и др.), а на Хоккайдо сосредоточил деятельность в селении Биратори. Ученый привез свыше полутора тысяч предметов, многие из которых были приобретены в Биратори и в настоящее время составляют значительную часть фонда Российского этнографического музея [Горбачёва, Карапетова 2007: 39; Огихара, Кохара 2007: 13].

По результатам экспедиции В. Н. Васильев составил «Краткий отчет о поездке к айнам островов Иезо и Сахалина» (1914). Он описал жилища, одежду, пищу и некоторые обычаи туземцев [Васильев 1914: 9].

Особая заслуга в изучении айнского фольклора принадлежит известному российскому востоковеду Н. А. Невскому (1892—1937). Результаты его многолетних исследований, преимущественно айнов Хоккайдо, нашли отражение в работе «Айнский фольклор» (1972). Некоторые рукописи Н. А. Невского до сих пор недостаточно изучены и мало известны в научных кругах.

В первой половине — середине XX в. внимание многих ученых сфокусировалось на вопросах этногенеза. Так, Е. Г. Кагаров опубликовал специальную статью «Новейшие теории происхождения айну» (1931). В отношении происхождения айнов развернулась полемика. В ее рамках обсуждалась гипотеза южных корней айнов и их связей с расами Австронезии. Сторонниками этой гипотезы стали известные антропологи Т. А. Трофимова, Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров [Дебец 1934: 72; Левин 1958: 286; Трофимова 1932: 99]. Также активно дискутировалась проблема монголоидности. Т. А. Трофимова, в частности, подчеркивая генетическое родство айнов с группой австронезийских народов, отнесла появление у них монголоидных признаков к древней эпохе. Она высказала мнение, что айны — промежуточный антропологический тип, заключавший в себе и австралоидную, и монголоидную линии развития [Трофимова 1932: 99].

М. Г. Левин, участник Амуро-Сахалинской антрополого-этнографической экспедиции АН СССР (1947), обратил внимание на северные монголоидные черты айнов как позднее заимствование от соседних народов. Он также указал на краниологические отличия сахалинских и хоккайдских айнов, на айнские черты внутри сахалино-амурского антропологического типа — нивхов. Рассмотрев вопрос о древнейшей истории Японских островов, ученый дополнил данные антропологии подробной археологической справкой [Левин 1949б: 26, 28; 1951: 487; 1958: 252, 258, 286, 303].

Большое внимание М. Г. Левин уделял этнографическим исследованиям. При его участии, например, были опубликованы «Историко-этнографический атлас Сибири» (1961) и статья «Старинные культовые изображения медведей у сахалинских айнов» (1964).

Заслугой Н. Н. Чебоксарова стало то, что он отметил некоторые схожие черты айнов с южными монголоидами: «Речь здесь может идти как о смешении уже сложившихся монголоидных и австралоидных типов, так и о древних связях между ними». Кроме этого, исходя из географической локализации айнов, Н. Н. Чебок-

саров выделил их среди австралоидной расы как представителей отдельной курильской ветви [Чебоксаров 1951: 309, 310, 315].

В современной антропологии взгляды на этногенез айнов существенно изменились. Они представлены, например, в работах А. Г. Козинцева, сторонника теории североазиатского монголоидного происхождения. Большое сходство айнов с монголоидами ученому удалось обнаружить по краниометрическим признакам, дерматоглифике и некоторым другим параметрам [Козинцев 1983: 40; Kozintsev 1993: 109, 117; Козинцев 2008: 356]. Есть также гипотеза, относящая отдаленных предков айнов к особой палеосибирской (палеоазиатской, древнеевразийской) большой расе, не являющейся монголоидной [Косарев 2008: 188].

В первой половине XX в. возрос интерес к истории Японии. Известный востоковед-филолог академик Н. И. Конрад написал работу «Япония. Народ и государство. Исторический очерк» (1923), историк, академик Е. М. Жуков — «История Японии» (1939). В связи с проблемами этнической истории Японии выдающийся археолог, этнограф и историк А. П. Окладников обратил внимание на айнов и их предков. В статье «К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре» (1946) он поставил вопрос о путях заселения Японского архипелага, указав при этом на важные связи между древними культурами Хоккайдо и Северо-Восточной Азии [Окладников 1946: 18, 25]. Наконец, значительным событием послевоенного времени стала выставка «Айны — жители Южного Сахалина и Курильских островов», состоявшаяся в 1946 г. в Государственном музее этнографии народов СССР (РЭМ). На выставке был представлен как этнографический, так и иллюстративный материал — богатые фотоколлекции музея [Потапов 1946: 216].

В 1930–1950-е годы стали появляться первые обобщающие труды по археологии Сахалина. До этого российские и советские ученые успели изучить лишь незначительное число сахалинских памятников, к тому же полученные данные не были систематизированы.

В 1950-х годах изучением древних культур Сахалина занималась Р. В. Козырева (Чубарова). Ее исследования заложили основу современной сахалинской археологической школы. Среди многочисленных публикаций можно назвать монографию «Древний Сахалин» (1967).

Тогда же на Сахалине работал этнограф и археолог, сотрудник географо-этнографического сектора Сахалинской научно-исследо-

вательской базы АН СССР Б. А. Жеребцов. В круг его интересов входили в основном айны. На юго-западном побережье о. Сахалина, в селении Староайнское (Райтиси), Б. А. Жеребцов собрал множество археологических и этнографических предметов [Василевский. История URL: <http://journal.sakhgu.ru/archive/2004-05-2.doc>; Прокофьев 1988: 144]. Все они поступили в фонды Сахалинского областного краеведческого музея. Уникальность коллекции такова, что повторить подобного рода сборы не удалось никому из советских этнологов. Несколько раз часть предметов демонстрировалась на выставках в Японии [Прокофьев 2005: 5].

С 1960-х годов на Сахалине развернули деятельность археологи В. А. Голубев, Р. С. Васильевский и В. О. Шубин. Они провели комплексные исследования памятников палеолита и неолита, разрабатывали периодизации этих эпох, изучали локальные культуры. Полученные результаты нашли отражение в работах Р. С. Васильевского «Древние культуры Тихоокеанского Севера» (1973), В. А. Голубева «Изображения животных и рыб в искусстве охотской культуры» (1976) (совместно с М. М. Прокофьевым), В. О. Шубина «Новые данные по археологии Сахалина и Курильских островов» (1986). В. А. Голубев и В. О. Шубин возглавили археологические лаборатории, которые были сформированы в составе Южно-Сахалинского государственного педагогического института и Сахалинского областного краеведческого музея [Василевский. История URL: <http://journal.sakhgu.ru/archive/2004-05-2.doc>].

Известный российский ученый Н. Н. Диков в 1961 г. организовал экспедицию на Камчатку. Ему удалось выявить около полусотни древнеителменских стоянок и поселений. В 1972–1979 гг. южные районы Камчатки исследовала археологическая экспедиция Т. М. Диковой. Ее, в частности, заинтересовали вопросы расселения на Камчатке айнов. Она установила, что следы пребывания там айнов датируются временем не ранее XVII в. [Дикова 1983: 167]. Данные, полученные в ходе экспедиции, легли в основу работы «Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов» (1983).

В 1960–1970-х годах специальные археологические экспедиции стали направляться на Курильские острова. Сотрудники различных организаций, от Южно-Сахалинского государственного педагогического института до Института этнографии АН СССР, вели на Курилах исследования остатков айнских поселений, древних артефактов с петроглифами и пр. В экспедициях участвовали

археологи В. А. Голубев, А. П. Окладников, А. П. Деревянко, историки и этнографы Ч. М. Таксами, М. М. Прокофьев, лингвист Ю. В. Кнорозов и другие ученые.

Еще в 1948 г. инженер-геолог Дальневосточного геологического управления Г. М. Власов обнаружил на Итурупе (в кальдере вулкана Богдан Хмельницкий, расположенном на п-ове Чирип) неизвестные рисунки и знаки на камнях. Уже тогда исследователь предположил, что это айнские письмена. Лишь спустя 14 лет на месте находок Г. М. Власова начались планомерные археологические изыскания [Прокофьев, Косарев 2010: 107].

По результатам изучения петроглифов Итурупа Ю. В. Кнорозов попытался обосновать гипотезу о существовании древней айнской письменности. В качестве сравнительного материала он использовал знаки, которые айны вырезали на ритуальных палочках икуниси, надгробных столбах и других предметах материальной культуры. В 1980-х годах при участии Ю. В. Кнорозова, Ч. М. Таксами и А. Б. Спеваковского вышла статья «Пиктографические надписи айнов».

Следует кратко упомянуть об археологии Японии в трудах российских исследователей. В первую очередь это статьи археолога-востоковеда В. Е. Ларичева, например «Палеолит и мезолит Японии» (1970). Кроме того, обзор материалов по палеолиту, накопленных к 1975 г., дал А. П. Деревянко в работе «Каменный век Северной, Восточной, Центральной Азии» (1975). Чуть позже вышла книга Р. С. Васильевского «По следам древних культур Хоккайдо» (1981), а затем монография Р. С. Васильевского, Е. Л. Лаврова и Чан Су Бу «Культуры каменного века северной Японии» (1982), где, в частности, авторы проводят интересные сравнения погребальных обрядов дзёмонцев и айнов [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 35].

Проблемами археологии и в настоящее время продолжают активно заниматься Р. С. Васильевский, А. А. Василевский, С. В. Горбунов, О. А. Шубина, И. А. Самарин, Н. В. Плотников, В. А. Дерюгин, М. М. Прокофьев. Они опубликовали много работ по археологическим культурам Тихоокеанского региона и Дальнего Востока, в которых важное место отводится айнам.

Старший научный сотрудник Сахалинского областного краеведческого музея М. М. Прокофьев — автор многочисленных публикаций по археологии и этнографии айнов, среди которых — «Археологические памятники о. Итуруп (по результатам разведок 1983,

1985 гг.)» (1986) и «Водный транспорт аборигенов Сахалина» (1995) (совместно с Ю. Н. Павлюченко). Он также написал подробное исследование о жизни и деятельности японских археологов и этнологов «Японские ученые — исследователи Южного Сахалина и Курильских островов (конец XIX — первая половина XX в.). Библиографические очерки» (2006), уникальное в своем роде: до этого подобных публикаций в России не было. Благодаря деятельности М. М. Прокофьева были опубликованы многие айнские коллекции Сахалинского музея, в том числе в 2005 г. был издан «Каталог коллекций Б. А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина из селения Староайнское (Райтиси) за 1948 г. в собрании Сахалинского областного краеведческого музея».

Немалый вклад в этнографию айнов внесли уже упомянутые исследователи Ч. М. Таксами и А. Б. Спеваковский. В частности, Ч. М. Таксами опубликовал «Материалы МАЭ по этнографии айнов» (1969), монографию «Кто вы айны? Очерк истории и культуры» (1990) (совместно с В. Д. Косаревым), работу «Поездка к айнам о. Хоккайдо» (1996), а А. Б. Спеваковский — монографию «Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айнском обществе)» (1988), статью «Современные айнские праздники» (1998). Кроме того, историк, профессор Дальневосточного государственного гуманитарного университета П. Я. Гонтмахер в своих работах «История декоративного искусства айнов» (1990) и «Айны: историко-этнографические очерки (XIX—XX вв.)» (2009) (совместно с М. В. Осиповой) разносторонне охарактеризовал искусство айнов.

Признанный специалист по истории Японии, сотрудник Института этнологии РАН С. А. Арутюнов посвятил значительную часть научного творчества айноведению. Особое место в его исследованиях отводится проблемам становления японской народности и месту, которое в нем занимали айны. Названную тему он рассмотрел в статье «Об айнских компонентах в формировании японской народности и ее культуры» (1957), а затем в работе «Древний восточно-азиатский и айнский компоненты в этногенезе японцев» (1962, дис.). В последующих трудах С. А. Арутюнов дал всеобъемлющий обзор различных сторон айнской культуры.

В 2002 г. в Институте наследия Бронислава Пилсудского при Сахалинском областном краеведческом музее его директор В. М. Латышев издал четырнадцать текстов, собранных Б. О. Пилсудским.

Сборник, названный «Фольклор сахалинских айнов», включает вступительную статью В. М. Латышева, оригинальный текст песен, записанных кириллицей, перевод на русский язык и примечания. Помощь в подготовке рукописи к печати оказали М. М. Прокофьев и историк Г. И. Дударец — специалист по Сахалину и Курильским островам. Песни относятся к двум жанрам — *туита* (сказки) и *уцьяськома* (старинные предания). Они были записаны Б. О. Пилсудским в 1903 г. в селениях Такое, Серароко, Отосан и некоторых других.

Также заслуживают внимания работы А. Г. Лебедева «Традиционная одежда айнов: XIX — начало XX в.» (2006, дис.) и М. В. Осиповой «Обычай и обряды айнов в системе культурного взаимодействия с аборигенами Нижнего Амура и о. Сахалин» (2006, дис.). А. Г. Лебедев сосредоточил внимание на айнском костюме, представив его всестороннюю характеристику, а М. В. Осипова рассмотрела особенности промысловой, семейно-бытовой и похоронной обрядности айнов. Она выделила единый амуро-сахалинский обрядовый комплекс и определила место, которое занимали в этом комплексе айны.

Год спустя М. В. Осипова издала монографию «Айны: женский взгляд на мир и пространство» (2007) (совместно с П. Я. Гонтмахером), затем труд «Айны острова Сахалин: Традиции и повседневность. Очерки обрядовой культуры» (2008) и ряд статей, одна из которых — «Потомки сахалинских айнов на Нижнем Амуре» (2010).

Особо следует отметить работу научного сотрудника Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) В. В. Щепкина «Трактат Хаяси Сихэй “Кайкоку Хэйдан” как памятник военно-политической мысли Японии эпохи Эдо (1603–1867)» (2011, дис.). Она содержит переведенный на русский язык раздел трактата «Сангоку цу:ран дзусэцу», где имеются ценные сведения о хозяйственной деятельности айнов.

Музыковед-ориенталист М. В. Есипова обратилась к такой интересной и недостаточно хорошо изученной теме, как музыкальные инструменты. Она посвятила им статью «Проблема происхождения музыкальных инструментов айну в свете исторических этнических процессов в Восточной, Северной и Юго-Восточной Азии и Океании» (2012 г.). Айнские музыкальные инструменты М. В. Есипова рассматривает и в других работах.

Айнская проблема, как видим, объединяет широкий круг специалистов, в том числе тех, кто уделяет внимание фольклору.

А. М. Кабанову, занимавшему до своей скоропостижной кончины должность старшего научного сотрудника Института восточных рукописей РАН, принадлежит особая заслуга в изучении рукописей Н. А. Невского. В статье “The Ainu materials collected by Nikolai Nevski” (1991) он представил краткий очерк жизни и научной деятельности известного востоковеда, обзор собранных им архивных материалов, предложил их классификацию и дал комментарии. Тексты включают множество эпических сказаний и священных песен, записанных в Отуру и Осака в 1920-х годах [Kabanoff 1991: 115].

Следует также отметить статьи по айнскому фольклору заведующей кафедрой японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ А. Р. Садовой — «Сказания айнской земли» (1998) и «Айны и рюкюсцы: народные верования, фольклор и мифология» (2009).

Среди специалистов по языкознанию не прекращаются дискуссии о происхождении и особенностях айнского языка. Обсуждается вопрос о его месте среди различных языковых групп. Востоковед-филолог В. М. Алпатов в статье «Айнский язык» (1997) представил общую характеристику этого языка, рассмотрел диалектные различия, особенности лексики, фонемный состав и другие важные аспекты.

В. Д. Косарев, много лет изучающий айнов, предпринял попытку сопоставить слова и морфемы их самобытного языка и языков индоевропейской семьи. Обнаружились, хотя и в ограниченном числе, достаточно убедительные соответствия, которые автор, учитывая возраст культуры дзёмон на Японских островах, реликтовый характер и архаичность айнского языка, гипотетически относит к предшествующей сложению индоевропейской семьи лингвистической ситуации (к ностратической общности).

Кроме того, В. Д. Косарев перевел с английского языка малоизвестное исследование Б. О. Пилсудского, составил и опубликовал на его основе айнско-русский словарь «Ainu-nuca itaku comen. Bronislav Pilsudski kari. Karaxtun itakhu. Айнско-русский словарь по Брониславу Пилсудскому. Сахалинский диалект» (2004). В словаре представлены около 6 тыс. слов и приложения по грамматике.

Взгляды по различным вопросам культуры айнов В. Д. Косарев также изложил в статьях «Айны: идеология природопользования» (1988), «Опасное сходство: айнско-индоевропейские параллели» (2006), «Символ — язык — знак — письмо (в связи с проблемой гипотетической письменности айнов)» (2007), «“Айнская пробле-

ма” сегодня: кто такие дзёмонцы и кто такие айны?» (2008). В соавторстве с М. М. Прокофьевым вышла его статья «Петроглифы острова Итуруп в связи с проблемой протописьменности айнов» (2010), написана работа «Айны Хоккайдо, Сахалина и Курил: Проблемы расового сложения и этнического развития» (2013).

В частности, в статье «Петроглифы острова Итуруп» продолжена сложная тема, которой уделял внимание еще Ю. В. Кнорозов. Ученые обращают внимание на то, что итурупские знаки неоднородны, формировались, видимо, в течение длительного времени, при этом некоторые из них обнаруживают сходство с рунами пещеры Тэмия (юго-запад о-ва Хоккайдо) и относятся, вероятнее всего, к одной и той же системе протописьма. Что касается времени, авторы гипотетически указывают период финального дзёмона [Прокофьев, Косарев 2010: 107].

Проблемами языка в настоящее время занимаются А. Ю. Бугаева, автор статей “Grammar and Folklore Texts of the Chitose Dialect of Ainu (Idiolect of Ito Oda)” (2004) и «Аппликативные конструкции в айнском языке» (2010), А. Ю. Акулов, опубликовавший статьи «История языка айну» (2005), «История языка айну: первое приближение» (2007), «Современное состояние языка и культуры айну» (2007), «Язык айну в контексте исторической перспективы» (2009), «Реконструкция традиционных представлений айну о мире (по материалам анализа фольклорных текстов)» (2010), и некоторые другие исследователи.

Представленный обзор (далеко не полный) научных работ российских, а также зарубежных исследователей, посвященных айнской тематике, свидетельствует о возрастающем интересе к проблеме происхождения айнов, их фольклору, духовной культуре, к айноведению в целом. Деятельность ученых на этом поприще, помимо всего, содействует поддержанию и развитию айнского этноса, сохранению его обычаев и языка, находящихся на грани исчезновения, богатой сокровищницы фольклора.

На Сахалине и Курилах, к сожалению, айнов давно нет, поэтому изучение особенностей культуры исконных обитателей этих регионов — дело крайне сложное. Но и в наши дни российские и зарубежные айноведы последовательно продолжают наращивать знания в области, заложенной основоположниками айноведения в XIX — начале XX в., проделавшими огромную работу по описанию обычаев и сбору этнографических коллекций.